

Татьяна Николеску

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ РУССКО-РУМЫНСКИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ СВЯЗЕЙ В XIX ВЕКЕ И В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

(ТВОРЧЕСТВО ГОГОЛЯ В РУМЫНИИ)

Разработка истории русско-румынских литературных связей-одна из основных и неотложных задач, стоящих перед румынскими славистами. Богатый и очень интересный материал, частично еще не изученный, ждет своих исследователей, которым предстоит создать широкую картину развития связей между литературами двух народов-соседей, братство и дружеские чувства которых неоднократно проявлялись в течение веков исторической жизни и совместного участия в войнах, политических событиях и.т.д. Отдельные частичные исследования в этой области уже сделаны. Но, несомненно, что фундаментальная работа, посвященная истории русско-румынских литературных отношений с самых отдалённых времён и по наши дни, сможет быть создана лишь после предварительной разработки отдельных частных вопросов, освещение которых сделает возможными создание общей картины взаимосвязей между русской и румынской литературами и научное обоснование вопроса о влиянии русских писателей на творчество румынских писателей. Так, например, необходимо изучить процесс проникновения и распространения произведений отдельных русских писателей в Румынии, дать критический разбор переводов и переработок на румынском языке, учесть отзывы печати и критики, установить возможность и степень влияния на одного или другого из румынских писателей, и конкретно осветить этот вопрос, а затем перейти к периодизации и теоретически и исторически обосновать и показать ту огромную роль, которую сыграла русская литература в общем развитии румынской литературы, в её утверждении на путях реализма и демократизма, а также в деятельности её отдельных представителей. Основная глава такой работы должна быть посвящена русско-румынским литературным связям в XIX веке и в начале XX века, как одному из наи-

более ярких и сильных моментов в истории этих отношений. В XIX веке и в начале XX века румынские писатели и читатели широко ознакомились с прекрасными творениями русской классической литературы, завладевшей вниманием и снискавшей уважение всей Европы, и это знакомство с творчеством Пушкина, Гоголя, Тургенева, Толстого, Достоевского, Чехова, а несколько позже и Горького, оставило сильное, неизгладимое впечатление, о котором неоднократно говорили и говорят лучшие представители румынской культуры и лучшие сыны румынского народа. Вспоминая времена своей молодости, классик румынской литературы, известный писатель Михаил Садовяну, определил прекрасно то сильное влияние, которое имела русская литература на румынскую передовую общественность: « Волна великодушия и благородства, которую внесла русская литература в европейскую жизнь XIX века, имела колossalное влияние на нашу интелигенцию той эпохи. Социальные и этические вопросы лежали в основании многих романов, поступавших из этого прекрасного Востока. В те годы моей первой молодости я читал с упоением Толстого, Гоголя, Достоевского и Тургенева. На меня произвели сильное впечатление своей грустью романы *Обломов* Гончарова и *Господа Головлевы* Щедрина. Меня глубоко взволновал роман Чернышевского *Что делать?* Имена революционеров — Герцена, Белинского, Добролюбова, — произносились нами, молодёжью, с восхищением и уважением . . . ¹ ».

При конкретном изучении русско-румынских литературных связей в XIX веке и в начале XX века необходимо обратить внимание на некоторые конкретные особенности, обусловившие распространение и влияние русской литературы в Румынии.

Во-первых, нужно принять во внимание, что в буржуазно-помещичьей Румынии, передовая, демократическая русская литература была отнюдь не желанным гостем. Реакционные правительственные и литературные круги стремились всеми силами препятствовать её распространению. Необходимо вспомнить полные негодования строки румынского классика Александру Одобеску, писавшего в 1874 г., в своей знаменитой книге «*Псевдокинегетикос*». « Я говорил об Аксакове, ссылаясь на оценку, данную г-ном Хаждэу. Лучше было бы мне вообще не упоминать его, также как, может быть, лучше было бы не упоминать в этом письме ни Гоголя, ни какого-либо другого русского писателя. Теперь у нас, когда кто-нибудь заговорит о славянах, будь это по вопросам литературы, филологии, истории, а прежде всего сельского хозяйства, то он сразу становится всем подозителен и накликает на себя беду. Находятся даже некоторые более радикальные, более чистые, более румыны, чем вся « румынская нация », чем вся

¹ M. Sadoveanu, *Importanța mondială a literaturii clasice ruse și a literaturii sovietice* в «*Evocări*». Бухарест, 1954, стр. 192.

«румынская земля»... которые набрасываются с такой критикой, что и головы целой не унесёшь»².

Препятствия для распространения русской передовой литературы чинятся реакционными кругами особенно настоятельно, начиная с последних десятилетий XIX века, когда перед правительством и эксплуататорскими классами встает угроза нарастающей волны недовольства народных масс и революционности румынских рабочих, вдохновляемых в своей борьбе примером русского пролетариата. Вплоть до освобождения Румынии, до 23 Августа 1944 г., гонение на передовую русскую литературу не будет прекращаться, принимая особенно острые формы в годы Великой Октябрской Социалистической Революции и гражданской войны, или Великой Отечественной Войны.

В таких условиях каждый новый перевод с русского языка, новый отклик в печати, новая статья о русском или советском писателе, являлись своеобразной победой, победой правды, идеалов гуманизма и демократизма, носительницей которых была русская литература.

Одновременно возрастающий спрос на русскую и советскую книгу, несмотря на все козни реакции, служил ярким доказательством глубокого интереса, проявляемого румынским передовым читателем к произведениям Пушкина, Гоголя, Толстого, Тургенева, Горького, Короленко, Маяковского и т.д. Распространение произведений русской литературы в дешёвых изданиях (Лумен, Минерва, Библиотека для всех и т.д.) делалось передовыми общественными кругами с целью ознакомления с ними широких читательских и народных масс и их организации на борьбу за свободу и правду. Русская литература сыграла большую роль не только в развитии и упрочнении реалистических и гуманистических традиций в румынской культуре, но и в утверждении передовых идеалов борьбы за свое освобождение из-под буржуазно-помещичьего ига в жизни румынского пролетариата и крестьянства.

Во-вторых, нужно принять во внимание и следующее обстоятельство, имеющее свое значение. Ввиду недостаточного распространения знаний русского языка, румынские читатели знакомились очень часто с произведениями русских писателей при помощи французских переводов, книг, критических статей и т.д. (В Трансильвании тождественную роль сыграли немецкие, и, частично, венгерские переводы). Так, например, положительную роль развитии интереса к русской литературе в среде румынских читателей сыграла известная книга Мельхиора де Богюэ «Русский роман» (1886). Несомненно, такое ознакомление с русскими писателями путём переводов, сделанных с других переводов имело свои отрицательные стороны (сокращение текста, практикуемое и французскими переводчиками, или, наоборот,

² A. Odobescu — *Pseudokynegheticos*, Ed. II, Краиова, стр. 55—56.

большие отступления от оригинала, слишком вольные переводы, ошибки, небрежности и т. д.). К этому нужно добавить, что, неоднократно, текст искажался преднамеренно румынскими переводчиками, с целью исключения или затушевания отрывков с ярко выраженной передовой, демократической тенденцией.

Правда, нужно оговорить вышеприведенное положение, указав, что с конца XIX века, и, в особенности, в начале XX века, можно отметить многочисленные переводы, сделанные непосредственно с русского текста, людьми хорошо знакомыми и с языком и с русской литературой. Но и эти переводы не были свободны от цензурных сокращений и искажений, а, иногда, даже подвергались им в большей степени, чем другие.

В свете таких некоторых общих установок данная статья ставит своей целью изучить процесс проникновения и распространения в Румынии, в XIX веке и в начале XX века (вплоть до 1917 г.) творчества одного из крупнейших мастеров русской литературы Николая Васильевича Гоголя.

★

Литературная судьба Н. В. Гоголя в Румынии отличается во многом от судьбы его современника и друга, А. С. Пушкина. Как известно, во время южной ссылки, Пушкин познакомился и сблизился с молдавскими писателями, Стамати и Костаки Негруцци, переведшими в дальнейшем некоторые произведения русского поэта. Так, например, можно указать на переводы *Кавказского пленника* Стамати, *Черной шали* и *Киржали* Негруцци (1837) и *Цыган* Донича (1837). Это были одни из первых иностранных переводов Пушкина. Имя Пушкина встречается в произведении поэта Василе Александри — *История одной золотой монеты* (1844). Влияние русского поэта чувствуется в ранних литературных опытах Б. П. Хаждеу (в особенности в *Княжне Войкице*), в его пьесе *Рэзван и Видра*, а также в произведениях Стамати Чубэр — *Водэ и Драгош*.

Необходимо подчеркнуть не только ранний характер переводов произведений Пушкина, но и тот положительный факт, что они были сделаны писателями, и, некоторые из них, непосредственно с русского подлинника, что отличает их выгодно от других современных и более поздних переводов русских книг на румынский язык.

Вообще нужно отметить, что в первой половине XIX столетия, в румынских литературных и общественных кругах, был подчеркнутый интерес к русской литературе и культуре, а также были и знатоки русского языка. Так, например, следует упомянуть имя писателя Асаки, переводившего из Жуковского и Державина.

Совсем иначе, чем для Пушкина, протекал процесс ознакомления румынского читателя с творчеством Гоголя. По сравнению с другими странами (в особенности с соседними славянскими, — в первую очередь с Чехией

—или с Францией и Германией) переводы Гоголя на румынский язык появились сравнительно поздно. Самый ранний перевод относится к 1860 г. и был напечатан в яссском журнале «*Foița de istorie și literatură*»³ (Листок истории и литературы), выходившем под редакцией Б. П. Хаждэу. Это отрывок из «Записок сумашедшего» (первая запись Поприщина от 3-го октября).

Перевод, подписанный неким Д. А. Холбаном, не отмечается художественностью. Переводчик сократил текст, например, исключил следующее размышление Поприщина: «Правильно писать может только дворянин. Оно конечно и некоторые купчики — конторщики и даже крепостной народ пописывает иногда; но их писание большею частью механическое: ни запятых, ни точек, ни слога»⁴. Есть некоторые ошибки: («верно Поклан не принёс моего письма...» переведено: «Ai primit fără îndoială scrisoarea mea dela Azor...»; заметно местами непонимание русских выражений «что у тебя, братец, в голове всегда ералаш такой?...» переведено «ce-ți este de cap, frate, de nu urmezi regulat?...» или «проклятая цапля» переведено «lup bătrân și blestemat...»). Перевод, иногда, перегружен устаревшими словами и оборотами.

Перевод сопровожден краткой заметкой редакции, в которой читаем: «Один из наших сотрудников, любезно передал нам этот перевод, и мы считаем нужным прибавить здесь, что Н. Гоголь известный русский писатель-юморист».

Какая неглубокая и односторонняя характеристика таланта Гоголя, — исключительно как юмориста!

Как видно из вышесказанного, первый перевод произведения Гоголя на румынском языке появился позже, чем на других языках. Уместно здесь напомнить, что уже в 30—40 годы прошлого столетия, Гоголь неоднократно переводился на французский⁵, немецкий⁶, чешский⁷ языки, его творче-

³ «*Foița de istorie și literatură*», Яссы, № 3, май, 1860.

⁴ Все цитаты приведенные из творчества Гоголя даются по изданию: Н. В. Гоголь — Собрание художественных произведений в пяти томах. Академия наук СССР, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) — Изд. Академии наук, Москва, 1951. (в дальнейшем Н. В. Гоголь — Собр. произв.)

⁵ Напомню о следующих первых переводах отдельных произведений Гоголя на французский язык, сыгравших значительную роль в распространении его творчества в Европе:

— *Nouvelles russes de Gogol*. Trad. par Louis Viardot, Paris, Paulin, 1845, VII, 324 pag.

— *Nouvelles choisies de Nicolas Gogol*, trad. par L. Viardot, Paris, Hachette, 1853, VI, 162 pag. (Bibliothèque de chemins de fer).

— *L'Inspecteur général*, trad. par P. Merimée. (*Les deux héritages suivis de L'Inspecteur général et des Débuts d'un aventurier*) Paris, Levy, 1853.

— *Au bord de la Neva*. Contes russes, Marmier X. Paris, Levy, 1856 pag. 215—258 (перевод Шинели).

ство обсуждалось видными западноевропейскими критиками⁸ и имя его было широко известно читающей публике.

Первый румынский перевод произведения Гоголя не мог сыграть значительную роль в литературной жизни Румынии, подобно той, которую сыграл во Франции перевод Луи Виардо. Во-первых, потому что шла речь о переводе небольшого отрывка, не дающего возможности судить о значении таланта русского писателя, а во-вторых, потому что перевод не передавал художественных особенностей оригинала.

Но, несомненно, перевод отрывка из *Записок Сумасшедшего* остается интересным фактом в истории русско-румынских литературных связей, моментом ознакомления, хотя и частичного, румынского читателя с творчеством Гоголя. Нельзя не подчеркнуть, что это первое знакомство с русским писателем утвердило его в глазах новых читателей, как реалиста и гуманиста, как беспощадного сатирика.

Чем же объяснить такой сравнительно поздний первый перевод Гоголя на румынский язык?

Можно полагать, что основной причиной была реакционная политика правительственные и некоторых литературных кругов, усилившаяся в начале второй половины XIX столетия, политика, о которой говорил Одобэску в вышеприведенной цитате, стремление преградить путь передовым идеям утверждаемым русской литературой. Ввиду этого многие русские писатели

— *Les ames mortes*, trad. par E. Charrière. 2 vols. Paris. Hachette, 1859, XXXI, 346; XXXVII, 357 pp.

— *Les ames mortes*, trad. par E. Moreau, Paris, Havard, 1859.

⁶ Некоторые ранние переводы Гоголя на немецкий язык:

— *Das Ehepaar aus der alten Zeiten auf dem Laude — Blätter für Kunde der Literatur des Auslandes*, 1840, nr. 127.

— *Russische Novellen*. Nach L. Viardot übertragen von H. Bode 2 Bde. Leipzig, Klemme, 1846, Bd. 1 — *Tarass Bulba*; Bd. 2. — *Der König der Erdgeister. Das Tagebuch eines Narren. Ein Bild der guten alten Zeit. Die Kalesche*.

— *Die todtcn Seelen. Ein satyrisch — Komische Zeitgemälde* — Aus dem Russischen übertragen von Ph. Löbenstein. Leipzig, Reclam, 1846.

— *Eine Mainacht. Eine schreckliche Nacht*. In: Europa, Hrsg. von A. Lewald, 1848.

— *Eine schreckliche Rache. Klein russische Volksgedichte*. In: « Russisches Leben und Dichten », Leipzig, Biedermann, 1851, 167—250.

— *Der Mantel* — Erzählung. In « Russisches Leben und Dichten ». Leipzig, Biedermann, 1857, 251—312.

— *Der Revisor* — Lustspiel in 5 akten, bearbeitet von A. von Viedert. Berlin, Triwitsch, 1854.

⁷ Для первых чешских переводов Гоголя см. В. Д. Савицкий — *Творчество Гоголя в Чехословакии*, в сборнике *Гоголь — Статьи и Материалы*, Ленинград, 1954.

⁸ Sainte-Beuve. *Nicolas Gogol. Premiers Lundis*, vol. III 1845, pag. 25—26.

— Prosper Mérimée. *La littérature en Russie: Nicolas Gogol*. « Revue des deux Mondes », 1851, no. 1.

— H. Koenig. *Literarische Bilder aus Russland*. Stuttgart und Tübingen. 1837.

переводились в Румынии с запозданием по сравнению с другими странами. Однако же, нужно подчеркнуть, что в конце XIX века, с 1880 года примерно, положение резко изменится в связи с передовым общественным подъёмом, и, среди многих других произведений русской литературы, которые широко проникнут и начнут распространяться в Румынии, должное место займёт и творчество Гоголя.

В последующие годы после появления отрывка из *Записок сумасшедшего*, имя Гоголя встречается периодически на страницах румынских газет и журналов, что дает основание говорить о возрастающем интересе к русскому писателю и желании ознакомиться с данными о его жизни и творчестве⁹.

О знакомстве с произведениями Гоголя и, в первую очередь, с *Ревизором*, в ту же эпоху, свидетельствует пьеса *Милло Директор* (1867) известного румынского писателя Василия Александри. В интриге румынской пьесы есть некоторые общие черты с гоголевским *Ревизором*. Милло, директор бухарестского национального театра, приезжает в провинциальный город, где его принимают за видного чиновника, директора в Министерстве внутренних дел. Отсюда ряд смешных сцен: провинциалы заискивают перед ним, в надежде получить хорошую службу, Милло же, в свою очередь, собирается выбрать из них актёров для своей труппы. Хотя под конец правда выходит наружу, пьеса кончается счастливо для всех, так как оказывается, что Милло привёз из Бухареста письмо, на основании которого хозяин дома, где он гостит, Нae Онофреску, назначается городничим. Некоторое сходство в интриге подкрепляется и другими доводами, наводящими нас на мысль, что, по всей вероятности, Василе Александри был знаком с *Ревизором* в его французском переводе, принадлежавшим Просперу Мериме. Во-первых, румынский классик интересовался и был очень хорошо осведомлен о всех событиях литературной жизни во Франции. Как известно, перевод Мериме, вышедший в 1853 г., привёл к широким спорам в печати, в особенности насчёт точности передачи русского текста¹⁰.

Трудно себе представить, чтобы Александри не обратил внимания на этот спор, тем более, что в декабре того же 1853 г., он познакомился лично с Проспером Мериме, к которому давно относился с большой любовью и восхищением. При таких обстоятельствах можно предполагать, что румынскому драматургу не остался неизвестным новый и столь нашумевший перевод французского писателя.

В этот начальный период постепенного и всё растущего интереса к творчеству русского писателя, необходимо выделить особенно 1874 год, как имевший особое значение для темы — «Гоголь и Румыния».

⁹ См. статью *Alexandru Pușkin*, «Amicul Familiei», Бухарест, 10 окт. 1863, а также заметку в «Familia», Pesta, apoi Oradea Mare, No. 23, 1866, стр. 270.

¹⁰ См. *Henri Mongault*, *Prosper Merimée — Études sur la littérature russe*. Париж. 1931.

В 1874 году в журнале *Revista Contimporană* (Современный журнал) Петру Грэдиштяну напечатал свою комедию *Revizorul General* (*Генеральный ревизор*)¹¹, указав, что это переделка по Гоголю. В том же году пьеса Грэдиштяну вышла отдельным изданием¹².

Петру Грэдиштяну переделал гоголевскую пьесу (с которой он познакомился во французском переводе Мериме) в духе румынской действительности середины прошлого столетия. Он переименовал по-румынски гоголевских героев: городничий стал называться Харитон Зоркидеску, судья — Блегоевичяну; Ляпкин-Тяпкин превратился в Ромулуса Флавиуса Терчилиана. Бобчинский и Добчинский стали Маке Морковяну и Саке Сорковяну. Хлестаков превратился в Иоргу Скорбури.¹³ Некоторые знакомые нам персонажи (как Земляника, Лука Лукич) исчезли и появились другие, не существующие в пьесе Гоголя, например: кассир Артемеску, капитан стрелков Раду Стоян, помощник городничего Антонеску и Лейбу Аврамеску. Пьеса Грэдиштяну состоит только из 3-х действий. Были полностью исключены сцены в трактире, столь важные для характеристики Хлестакова, городничего и Осипа и для развития действия. В переработке Грэдиштяну зритель знакомится с мнимым ревизором в доме городничего, куда Скорбури приводит трактирщик, как раз в ту минуту, когда сплетники Маке Морковяну и Саке Сорковяну (Бобчинский и Добчинский) сумели убедить Харитона Зоркидеску в том, что задолжавший посетитель является именно ожидаемым ревизором. Отсутствуют также сцены, в которых купцы и другие местные жители приходят жаловаться мнимому ревизору на городничего. Стремление приблизить гоголевскую пьесу к румынской действительности заметно в отражении политической жизни и в некоторых изменениях, которым подверглись персонажи. Пьеса Грэдиштяну дает сатиру политической жизни и нравов буржуазно-помещичьей Румынии, и в первую очередь её парламентарного режима. Городничий жалуется на трудности с которыми ему приходится бороться во время выборов, Лейбу Аврамеску обещает помочь Иоргу Скорбури во время выборов, и поддержать его кандидатуру, Маке Морковяну представляется мнимому ревизору, как «избиратель в первой, коллегии нашего уезда, стоял всегда за правительство и голосовал всегда за правительственного кандидата», а Саке Сорковяну просит дать ему службу, так как он «голосовал за Министра» и т.д.

¹¹ *Revizorul General*, comedie în 3 acte, imitată după N. Gogol și dedicată d-lui V. Alecsandri, «Revista Contemporană», Бухарест, 1874, стр. 252—277; 353—381; 439—466.

¹² Grădișteanu Petru, *Revizorul General*, comedie în 3 acte, imitată după N. Gogol, Бухарест, 1874, 88 стр.

¹³ В основном Грэдиштяну стремился сохранить в переводе значение русских фамилий, что ему удалось только частично. Так, например, удачно переделана на румынский лад фамилия Ляпкина-Тяпкина, в то время как имя Хлестакова потеряло в румынской переработке весь свой внутренний смысл.

В репликах Иоргу Скорбури, прекрасно характеризующих демагогию и растленность общественных порядков буржуазно-помещичьей Румынии, то и дело звучат политические термины. Например, обращаясь к городничему и протестуя против своего предполагаемого заключения в тюрьму, он говорит: « Не понимаю, господин субпрефект, что это значит? Это явное нарушение конституции! . . . В моей личности производится насилие над личной свободой . . . » и дальше « Протестую . . . это было бы еще более явное нарушение личной свободы, гарантированной Конституцией. Протестую и буду жаловаться в Министерство » . . .

Действующие лица пьесы, в своей сущности, мало чем отличаются от гоголевских. Главная разница относится к той же локализации, « румынизации ». Например, хвастовство Иоргу Скорбури принимает румынскую окраску: он друг Милло, Караджала, Паскали, он написал стихотворение Сбурэторул, Стелуца, он руководит журналами Ромынул, Пресса, Тромпета. К той же « румынизации » можно отнести и образ начальника почты — Ромулуса Флавиуса Терчилияна, в котором Грэдиштяну осмеял манию латинизации румынского языка, довольно распространенную в ту эпоху¹⁴.

Большее отличие по отношению к гоголевскому образу можно заметить в мнемом ревизоре, Иоргу Скорбури. Грэдиштяну представил его жуликом, очень скоро сообразившим, что чиновники принимают его за кого-то другого, и стремившимся использовать до максимума в свою пользу, создавшееся положение.

Вообще нужно сказать, что в своей переработке Грэдиштяну местами стремился к фарсу, к дешевым комическим, часто внешним, эффектам. Так, например Саке Сорковяну заикается, а врач Швальцберг (которого он наделяет репликами Земляники) говорит на коверканном румынском языке¹⁵.

Это стремление подтверждают и указания для актёров о характерах и костюмах. Гоголь подчеркивает в первую очередь сущность характера, его внутренний смысл, психологию персонажа, указывает на жесты, мимику, а костюмам уделяет второстепенное значение. У Грэдиштяну наоборот: на первом плане указания внешнего порядка, костюмы описаны очень подробно, так же и черты лица и т.д. О внутренней сущности образа говорится куда меньше, а иногда вообще не говорится ничего.

Вот, например, какие указания дает Грэдиштяну в связи с образом

¹⁴ Язык Терчилияна изобилует такими выражениями как: onorabila direpciu...
pote fire... onorabilitate și apelaciune... sum în pusăciune... delectăciune...
naciunale... Costituciune... etc. Образ, выведенный Грэдиштяну, во многом напоминает известный сатирический тип, созданный Василием Александри, а именно Ионус Галускус из пьесы *Русалійе*.

¹⁵ Например: *O taifel*, asta nu se pote; cît omul apropii de natură atît mai pun; nu
mai trebuie toctorii scump: omul ființă simplu, dacă more, more; dacă vintecă, vintecă
(подчеркнуто мною Т. Н.).

судьи, далеко отстающие от содержательной характеристики Ляпкина-Тяпкина, данной Гоголем: «55 лет, волосы седые; густые и коротко подстриженные усы . . . В первом действии появляется в наброшенном на плечи пальто, на ногах огромные боты; перед тем, как начать говорить, снимает боты и прячет их под кровать, пальто кладет на кровать и остается в длинной летней одежде серого цвета. На шее белый шарф . . . Во втором действии носит фрак с длинным и острым хвостом, с короткими и узкими рукавами, большой жилет с карманами и отворотами à la Bonaparte, отвороты жилета выступают поверх фрака. Панталоны рыжего цвета, белый шелковый галстук, белые перчатки, неизмеримо больше рук. Когда представляется Скорбури кладет шляпу на стул, а затем, забыв, садится сам на тот же стул; увидев, что помял шляпу, берет её в руки и не знает, что с ней делать. В третьем действии носит ту же одежду, кроме фрака, заменённого сюртуком той же моды . . . »

Несмотря на все фарсовые элементы, которые снижают художественную ценность переработки Грэдиштяну, и искажают, в некоторой степени, смысл гоголевской пьесы, нельзя не подчеркнуть, что в основном румынская переделка *Ревизора* послужила тем же целям разоблачения, что и русский оригинал. Пьеса Грэдиштяну прозвучала смелым приговором гнусной действительности буржуазно-помещичьей Румынии, основанной на пороках, лжи и эксплуатации.

Самым лучшим доказательством острого социального звучания переработки Грэдиштяну служит полемика, развернувшаяся после ее первого представления на сцене (21 февр. 1874 г.) Она во многом напоминает бурные споры, возникшие вокруг *Ревизора*, и подчеркивает ещё раз, что даже облечённые в чужую одежду, под измененным обликом, передовые идеи гоголевской пьесы не теряли своей сатирической силы.

Например, правительенная газета *Ромынул* обвиняла пьесу Грэдиштяну в безнравственности, ссылаясь на ненаказанность порока и на сатирическое изображение чиновничего мира.

Нападки румынской реакционной газеты, очень живо напоминают нам «сердитые» голоса некоторых из «возмущенных» «безнравственностью» гоголевского *Ревизора*, которых писатель вывел и осмеял в своем «Театральном разъезде после представления новой комедии».

Одновременно пьеса Грэдиштяну вызвала положительные, сочувственные отклики среди передовой литературной и культурной общественности.

Чезар Боллияк — один из виднейших деятелей революции 1848 г., писатель, утверждавший всегда общественное значение литературы и боровшийся неутомимо за передовое, идейное искусство — выступил с теплой статьей в газете *Тромпета Карпацилор*¹⁶ (Горн Карпатов), в

¹⁶ Cezar Bolliac, *Revizorul General* (prelucrare după N. Gogol) (Cronică teatrală) «Trompeta Carpaților», Бухарест, 1874, № 1113, февр. 24, стр. 2.

которой поздравлял румынского автора, «которому пришла такая счастливая мысль написать сатири на самые вопиющие пороки нашей жизни» и подчеркивал «совершенство локализации». Назвав пьесу «благородной комедией», Боллияк утверждал, что если бы не указание имени русского писателя, «никто бы не подумал, что это произведение не принадлежит румынскому таланту, сумевшему благородно и со вкусом осмеять смешные стороны нынешней жизни...». Хотя анонимный рецензент передового сатирического журнала *Gimpel* (Колючка)¹⁷ более сдержан в оценке спектакля и художественных достоинств переработки Грэдиштяну,¹⁸ все-таки он ярко подчеркивает общественное звучание произведения, когда говорит, что *Ревизорул женерал* отражает прекрасно «эпоху цинизма и безнравственности, в которую мы живём.» Наряду с пьесой Грэдиштяну и со всеми спорами, возникшими вокруг нее, в течение которых неоднократно произносилось имя Гоголя, другое литературное событие, того же 1874 г., способствовало знакомству румынской общественности с русским писателем. Я имею ввиду выход в свет известной книги Александра Одобеску *Псеудокинегетикос*. Одобеску, хорошо знавший и высоко ценивший русскую культуру и литературу, упоминает в своей весьма интересной книге, среди других писательских имён Тургенева и Гоголя. Отзываясь о последнем с большим восхищением, он называет его произведения *Ревизор* и *Тарас Бульба* («это прекрасное описание жизни запорожских казаков, сыгравших столь видную роль в истории румынских княжеств в период расцвета при царствовании Матея Басараба в Царе Ромыняске и Василия Лупу в Молдавии,»)¹⁹, а затем переводит с большим мастерством отрывок из гоголевской повести, а именно описание степи ночью. Таким образом, Одобеску сообщил румынскому читателю некоторые ценные сведения о творчестве русского писателя, и, в то же время, дал ему возможность познакомиться, хоть и с кратким, но с прекрасным отрывком из крупнейшего произведения Гоголя. Нужно сказать, что перевод Одобеску стоит на высоте оригинала. Прочитав его, чувствуешь всю красоту и музыкальность, красочность и неподражаемость гоголевского стиля; степь встает живо и осязаемо перед глазами, точно рассматриваешь картину, а не читаешь книгу.

Необходимо подчеркнуть, что влияние гоголевского стиля, гоголевской фразы, — широкой, плавной, ритмической, — а также и гоголевской иронии, чувствуется во всей книге Одобеску *Псеудокинегетикос*. В особенности напоминают нам Гоголя и его описание малороссийской степи в *Тарасе*

¹⁷ *Revizorul general* (Cronică teatrală) «Gimpel», Бухарест, 1874, февр. 24, стр. 2—3.

¹⁸ Рецензент задает вопрос, зачем понадобилось Петру Грэдиштяну перерабатывать оригинал вместо того, чтобы его просто перевести на румынский язык, а также очень строго отзываются о фарсовых элементах, внесённых румынским автором.

¹⁹ А. И. Одобеску — *Pseudokyneghetikos* — Ed. II, Краиова, стр. 56.

Бульбе, страницы посвященные Одобеску описанию Бэрэгана, степи, расположенной на юге Румынии. О Гоголе заставляет нас подчас думать и другое произведение Одобеску, историческая повесть «Доамна Кияжна». Писателей роднит и их интерес к фольклору, их любовь к народным песням, а также исследования по истории и истории искусств. Тема Гоголь и Одобеску, сложная и обширная, выходит за рамки данной статьи, которая ни в коем случае не претендует исчерпать её. Эта тема ждет еще своего исследователя.

Для того чтобы дать полное представление об этом начальном периоде проникновения и распространении творчества Гоголя в Румынии²⁰, необходимо остановиться на статье известного поэта Михаила Эминеску «Французская комедия и русская комедия», написанной в 1876 г.²¹. Статья Михаила Эминеску, несомненно, самый содержательный и серьезный комментарий к творчеству Гоголя из всего того, что было до тех пор написано в Румынии. Поводом для этой статьи послужило представление той же переделки Петру Грэдиштяну *Ревизорул женерал*. Интересно подчеркнуть, что Эминеску отзывается положительно о тех сторонах и образах пьесы, которые носят реалистический характер, и отвергает попытки фарсовых разрешений, внесённых П. Грэдиштяну (в особенности роли Саке Сорковяну и Терчилиана). Исходя из общей установки о превосходстве русской комедии — комедии высокого идейного содержания над французской комедией, румынский писатель останавливается, несколько подробнее, на разборе некоторых произведений Гоголя (*Ревизора* и *Мертвых душ*), в которых подчеркивает, как главную и характерную черту, их реализм. «По мнению одних Гоголь самый своеобразный, по мнению других самый лучший русский писатель, — говорит Эминеску. — Положение же таково: Гоголь запечатлел в свой памяти картины реальной жизни русского народа; его типы взяты из природы, это живые люди, такие, какими вы их встречаете в захолустных местечках, затерянных среди казацких степей... Гоголь не гонится за успехом; он не писал никогда ради гонорара и не жаждал успеха; он просто любил описывать вещи такими, какими он их чувствовал и видел, не задумываясь над правилами Аристотелевой пьиитики...» Румынский поэт очень верно подчеркнул одну из особенностей гоголевской сатиры: «Мы смеемся... но в то же время и грустим..., согласно мнению некоторых настоящая комедия должна заставить грустить. Таково и воздействие гоголевской пьесы, подобное правде и природе... Гоголь, самый веселый из писателей России, таил в своей душе глубокую грусть...»

²⁰ Нужно отметить, что в этот период румынский читатель узнает ценные сведения о личности и творчестве русского писателя, и, в меньшей мере, имеет возможность познакомиться с его произведениями, так как, пока-что, ещё мало переводится из гоголевского литературного наследия.

²¹ Mihail Eminescu, *Comedia franceză și comedia rusească*. «Curiereul de Iași», 1876, 5 дескаб., № 133.

Такое широкое обращение к творчеству Гоголя, к его авторитету реалиста и блестящего художника, в 70-ые годы прошлого столетия со стороны виднейших румынских писателей той эпохи Эминеску, Одобеску, Боллияк не могло быть случайным и не объясняется исключительно появлением *Ревизора Женерала* Грэдиштяну. Да и сама переработка Грэдиштяну не случайна. В борьбе за утверждение идейной, реалистической литературы, которая велась в те годы передовыми литературными и общественными кругами Румынии, творчество Гоголя могло оказать надежную помощь. Не даром Эминеску упорно подчеркивает реализм Гоголя, глубокое жизненное содержание его произведений, а Боллияк и анонимный рецензент журнала *Гимтеле* указывают на сильный критический элемент *Ревизорула Женерала*, в котором легко установить созвучность с русским оригиналом. Не случайно Эминеску, в вышеуказанной статье, сравнивает и находит родственными по своему стремлению и духу произведения Гоголя и румынских передовых писателей Крянгэ, Славич. К этому списку, можно было бы добавить, третье имя, которое вскоре станет широко известно, Караджале, занявшего в румынской литературе место, во многом родственное месту Гоголя в русской литературе.

Творчество Гоголя помогало этим передовым мастерам румынской литературы бороться за широкое развитие отечественной словесности по пути критического реализма, по пути общественно-значимого искусства, воодушевлённого передовыми идеалами своей эпохи.

Как видно из всего вышесказанного, имя Гоголя было уже известно в Румынии в 70-ых годах прошлого столетия, и в этом процессе ознакомления читателя с личностью русского писателя и, в общих чертах, с его творчеством видную роль сыграли крупнейшие представители румынской литературы той эпохи. Однако сами же произведения Гоголя были мало известны и на румынский язык еще не переводились²². В этом вновь можно усмотреть стремление определенных заинтересованных кругов препятствовать проникновению произведений, разоблачающей силы которых они боялись, и наоборот в ту же эпоху писатели, на первый взгляд менее «опасные», как, например, Тургенев, переводились довольно интенсивно.

Однако же, глубокий интерес читающей публики к творчеству Гоголя вызвало в эти же 70-ые годы появление первых переводов его произведений. Речь идёт о переводах *Шинели*²³ и *Тараса Бульбы*,²⁴ появившихся в 1876 г. в газете *Тимпул* (*Время*).

Для того, чтобы определить отношение к русскому писателю, небезинтересно познакомиться с содержанием редакционной заметки, служащей вступлением к румынскому переводу повести *Тарас Бульба*. «*Тарас Бульба*,

²² За исключением отрывка из *Записок Сумасшедшего*, о котором говорилось раньше.

²³ «*Timpul*», Бухарест, 1876, № 11/1 апреля — № 16/15 апреля.

²⁴ Там же, № 72/9 июля — № 127/17 сентября.

— читаем мы в указанной заметке, — справедливо считается шедевром бессмертного русского романиста Н. Гоголя. Художественное достоинство повести возрастает за счёт изображения сцен и характеров неизвестного нам мира, которым искусное перо Гоголя восхищает наше воображение и трогает сердце. Мы полагаем, что печатая перевод этого шедевра, оказываем большую услугу нашей молодой, только образующейся литературе . . . »²⁵ (подчёркнуто мною Т. Н.).

Имена переводчиков остались неизвестными. Оба перевода интересны, в первую очередь, с исторической точки зрения, а также и в плане распространения произведений Гоголя в Румынии. Что же касается художественной стороны, то они во многом оставляют желать лучшего.

По всей вероятности, переводы не были сделаны с русского языка. Переводчики обращаются довольно бесцеремонно с гоголевским текстом, сокращают его, иногда выбрасывают часть предложения или фразы, иногда просто пропускают целые страницы. Так, например, переводчик *Шинели* пропустил объяснение, которое дает Гоголь имени Башмачкина²⁶, а также большой отрывок, в котором рассказывается о грустной жизни Акакия Акакиевича²⁷, или тот, в котором описывается смерть чиновника²⁸, столь же незаметно ушедшего из жизни, как и незаметно он ее прожил.

Такие же своевольные сокращения оригинала встречаем и в переводе повести *Тарас Бульба*, где по этому, временами, текст становится просто непонятен²⁹.

Нужно также заметить, что перевод *Шинели* не полный, он останавливается на смерти Башмачкина. Переводчик позволил себе сотрудничать с Гоголем, и, вместо посмертной мести бедного чиновника, после сообщения, что Акакия Акакиевича «четвертого дня похоронили», закончил повесть следующей фразой: «Бедный Акакий! воскликнули сразу все чиновники».

Знаменательно такое опущение именно тех страниц в которых звучали мотивы протesta.

²⁵ Там же, № 72/9 июля, стр. 2.

²⁶ В переводе опущены следующие предложения: «Уж по самому имени видно, что он когда-то произошла от башмака; но когда, в какое время и каким образом произошли она от башмака, ничего этого не известно. И отец, и дед, и даже шурин и все совершенно Башмачкины ходили в сапогах, переменяя только раза три в год подметки».

²⁷ Гоголь. Соб. произв., т. III, стр. 179—181. «Но Акакий Акакиевич если и глядел на что, то видел на всём свои чистые, ровным почерком выписанные строки... пересказывая вечный анекдот о команданте, которому пришли сказать, что подрублен хвост у лошади фальконетова монумента...»

²⁸ Там же, т. III, стр. 211. «Ни комнаты, ни вещей его не опечатали... Акакия Акакиевича свезли и похоронили.»

²⁹ Там же, т. II, стр. 25—96. «Скоро весь польский юго-запад... отплачивали казаки прежние долги»; стр. 85—86 «Когда так, то пусть будет так... А я пожалуй, я рад: я слуга вашей воли ...»

Другой прием, встречаемый в обоих переводах (а также и в других более поздних) это сокращение или даже опущение развернутых сравнений, авторских замечаний, дигрессий и т.д. Например, совет портного Петровича « уже вы лучше, как придет зимнее холодное время, наделайте из неё себе онучек, потому что чулок не греет. Это немцы выдумали, чтобы побольше себе денег забирать (Петрович любил при случае кольнуть немцев) »³⁰, в румынском переводе был сокращен: исчез намёк на немцев и отношение Петровича к ним: « ai putea însă la iarnă să faci din ea turluci, care în mai cald decât ciorapii... » При таком произвольном отношении к тексту, несомненно, перевод не мог передать ни специфики гоголевского стиля, ни богатства и красоты его языка. Это чувствуется в особенности в переводе повести *Тарас Бульба*, в котором исчезла вся красочность в описаниях природы, например, в классической картине степи, и, вообще, вся художественная неповторимость этого прекрасного произведения.

Оба перевода имеют довольно много и иногда довольно грубых ошибок. Так, например, следующая характеристика портного, Петровича: « С этой стороны он был верен дедовским обычаям и споря с женой, называл её мирской женщиной и немкой »³¹ была переведена « Prin celebrarea zilelor consacrate de biserică el vroia să rămînă credincios obiceiurilor din copilarie », « тоненькая шинелишка » стала в переводе « mantaua lungă » (длинная шинель) « натопаться хорошенько ногами в швейцарской » переведено: « a răsufla la portar » (т.е. перевести дух в швейцарской). В повести *Тарас Бульба* « дочь приехавшего на время ковенского воеводы » было переведено « fiica voievodului din Kovno, pe care-l văzuse adesea trecind prin Kiev », « с развязностью дитяти » (о польской княжне) стало в переводе « cu nepăsarea proprie copiilor polonezi » (т.е. с безразличием, своим польским детям) и т.д.³².

Язык переводов не выдержан с стилистической точки зрения. Очень часто встречаются тяжелые, почти неуклюжие обороты или выражения как « јиле », « a turmenta cu causticitate », казаки говорят « săt ofensat », « un an de absentă » в доме Бульбы « parchetul și pereții erau acoperiți de un pămînt argilos și lustruit » (паркет и стены были покрыты блестящей глиной).

Однако же, несмотря на все превратности судьбы, которым подверглись произведения Гоголя в этих переводах, талант писателя, сила его гуманизма и демократизма, дошли в какой-то степени до читателя и захватили его.

³⁰ Там же, т. III, стр. 187.

³¹ Там же, стр. 183.

³² « Бульба был упрям страшно » — в переводе: « Bulba era furios și încăpăținat », « консул » переводится часто словом « rector » и, в конце концов, получается, что ректор крадет у торговок, на базаре, пироги.

Несомненно, повести имели успех, так как через короткое время они были опять напечатаны, в новых переводах. В 1882 *Шинель* была опубликована газетой *Стяуа Дунэрий* (*Дунайская звезда*)³³, а в 1883 г. повесть *Тарас Бульба* вышла в отдельном издании³⁴.

Второй перевод *Шинели* ни чем не лучше первого, от которого он, между прочим, очень мало отличается, так что было бы справедливее считать его не новым переводом, а просто несколько переработанным переизданием текста, вышедшего в 1876 г.³⁵

Иногда перевод 1882 г. оказывается даже менее точным, а подчас применяет ещё шире метод произвольного сокращения, урезывая в особенности развернутые сравнения, и тем самым, конечно, искажая специфику гоголевского стиля³⁶.

Что же касается отдельного издания повести *Тарас Бульба* (1883 г.) то оно, при первом ознакомлении, выгодно отличается от первого, газетного перевода, 1876 года.

Перевод точный, с весьма незначительными сокращениями, стремится передать стилистические особенности оригинала. На первый взгляд кажется, что переводчик работал по русскому тексту. Но достаточно сопоставить несколько страниц румынского перевода с французским переводом Луи Виардо для того, чтобы безошибочно установить источник, по которому работал румынский переводчик.

Румынский перевод кальк с французского, его копия (с некоторыми небольшими сокращениями или изменениями). Фотографирование французского перевода Виардо привело румынского переводчика к неестественным оборотам звучащим очень странно по-румынски «Voi ce vă trebuie cocoloșire? Cocoloșirea e o cîmpie întinsă, un cal bun, iată ce vă trebuie» (дословный перевод французского текста «Qu'avez vous besoin, vous autres, d'être dorlotés? Vos dorloteries, à vous c'est une belle plaine, c'est un bon cheval.

³³ «Steaua Dunării», 1882, № 45/30 июня.

³⁴ N. Gogol, *Taras Bulba, Roman istoric din viața Republicei Cazacilor*, Бухарест, 1883, VII — 216 стр.

³⁵ Доказательством в этом смысле может послужить совпадение пропущенных отрывков (Н. В. Гоголь, Собр. произв. т. III, 179—181, стр. 211), совпадение ошибочных переводов: («не указать уважения» — a nu avea grijă), а также и абсолютно тождественное окончание повести в обоих переводах, отличающееся, как было указано, от оригинала.

³⁶ Ярким примером может служить следующий факт: вскрывая ничтожество, чванливость и позёрство значительного лица, Гоголь пишет... «сказал» Что вам угодно? — голосом отрывистым и твердым, которому нарочно учился заранее у себя в комнате, в уединении и перед зеркалом ещё за неделю до получения нынешнего своего места и генерального чина» а переводчик перевел только «a spus cu o voce imperioasă și vibrantă» (т. е. только голосом отрывистым и твердым); вся же остальная часть фразы, имеющая столь большое смысловое значение, осталась непереданной.

Voilà vos dorloteries)³⁷ свитки переводятся «rochii» (платья) т.е. дословно французское *robes*³⁸.

Как мы видим, в числе первых произведений Гоголя, переведенных на румынский язык, были повести, широко известные не только в России, но и во всей Европе. Несмотря на все отрицательные стороны переводов, низкий литературный уровень которых не мог передать читателю художественные особенности и всю красоту оригинала, они сыграли некоторую положительную роль в том смысле, что познакомили румынский народ с передовыми идеями и идеалами, утвержденными творчеством Гоголя.

В особенности глубокий гуманизм повести *Шинель* не мог не найти отклика в душе читателей, не повысить их интереса к творчеству Гоголя и их желания ознакомиться с ним глубже. Нельзя пройти мимо факта многочисленных новых переводов этих двух повестей в последующие годы³⁹. *Шинель* была переведена в 1909 г. и переиздана в 1936 г.⁴⁰, а *Тарас Бульба*, одно из наиболее часто переводимых произведений Гоголя в Румынии, — в 1908 г. два

³⁷ Цит. по изд. Nicolas Gogol— *Tarass Bulba*, roman traduit du russe par Louis Viardot, Париж, 1872.

³⁸ Сравните, например, описание степи: «Степь чем далее, тем становилась прекраснее. Никогда плуг не проходил по неизмеримым волнам диких растений. Одни только кони, скрывавшиеся в них, как в лесу, вытаптывали их. Ничто в природе не могло быть лучше их. Вся поверхность земли представлялась зелено-золотым океаном, по которому брызнули миллионы разных цветов. Сквозь тонкие, высокие стебли травы сквозили голубые, синие и лиловые волашки... Чорт вас возьми, степи, как вы хороши! »

«Plus on avançait dans la steppe, plus elle devinait sauvage et belle. Jamais la charrue n'avait laissé de trace à travers les flots incommensurables de ses plantes sauvages. Les seuls chevaux libres, qui se cachaient dans ses impénétrables abris, y laissaient des sentiers. Toute la surface de la terre semblait un océan de verdure dorée, qu'emaillaient mille autres couleurs. Parmi les tiges fines et sèches de haute herbe, croissaient des masses de bleus aux nuances bleus, rouges et violettes... O ! mes steppes que vous êtes belles ! »

«Cu cît se adînceau în stepă cu atît ea era mai frumoasă și mai sălbatică. Nici cînd plugul n-a tras brazdă în acest întins ocean de buruieni. Numai caii slobozi, care se ascundeau în aceste pîrloage nestrăbătute lăsau urme p'aci. Toată fața pămîntului părea o mare de verdeată aurie, smălțuită de alte culori, aerul era plin de cîntecele păsărilor... O stepă cît de frumoase sănăteți ! »

Примечание: французский текст не переводит предложения «Ничто в природе не могло быть лучше их», и в румынском тексте его тоже нет.

³⁹ Здесь приводятся только данные до 1944 г., После этой даты переводы из русской и советской литературы получили большой размах, будучи тесно связаны с культурной революцией, произошедшей в стране. Изучение и оценка переводов произведений Гоголя в этот период должны быть предметом самостоятельной статьи.

⁴⁰ N. Gogol. *Mantaua și Caleașca*. Traducere din rusește de Dr. S. Duscan, Бухарест, 1909, 95 стр. (Biblioteca pentru toți No. 457).

N. Gogol. *Mantaua și Caleașca*. Trad. din rusește de Dr. S. Duscan, București, (1936), 88 стр. (Biblioteca pentru toți, No. 457).

раза⁴¹, в 1922⁴², 1937⁴³, 1942⁴⁴. Нельзя также не подчеркнуть значительного роста, в дальнейшем, вообще числа переводов из Гоголя, охватывающих все шире и шире его творчество, хотя объяснить это явление только стихийным возрастанием интереса читающей публики к русскому писателю было бы недостаточно.

Так в 1885 г. газета *Ромыния либерэ* (Свободная Румыния) печатает *Майскую ночь*⁴⁵, в 1886 в *Трибуне* появляется *Вий* под названием *Стригойка* (Ведьма)⁴⁶. *Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем* под названием *Вечиний* (Соседи)⁴⁷. Оба последних перевода выходят в том же году отдельным изданием⁴⁸. В 1895 году в ежемесячном журнале *Vatra* (Очаг) печатается перевод рассказа *Вечер накануне Ивана Купала*⁴⁹, а в 1898 г. выходит отдельным изданием *Страшная Месть*⁵⁰. Некоторые из вышеуказанных рассказов из цикла *Вечеров на хуторе близ Диканьки* в дальнейшем неоднократно печатались в новых переводах или переиздавались⁵¹.

Необходимо добавить, что в 1915 году были переведены и другие рас-

⁴¹ С французского текста: N. Gogol — *Tarass Bulba*. Nuvelă tradusă din franceză de Gr. Tăușan. Бухарест, 1908, 156 стр. и с русского: N. Gogol. *Taras Bulba. Roman din viață căzăceaască*. Traducere din rusește de L. L. Brîndză. Vol. I — II. Бухарест, 1908—1909. 211 pag., 2 vol. (Biblioteca «Minervei» No. 16—17).

⁴² Переиздание перевода 1908 г. N. Gogol. *Taras Bulba. Roman din viață căzăceaască*. Traducere din rusește de L. L. Brîndză. Vol. I — II. Бухарест, (1922), 99 pag., (v. I); pag. 103—196 (v. II) (Biblioteca «Minerva» No. 16—17).

⁴³ N. Gogol — *Taras Bulba. Roman*. Бухарест, (1937), 162 стр.

⁴⁴ N. Gogol. *Taras Bulba. Roman*. În românește de Ion Hodoș, Бухарест, (1942), 139 стр.

⁴⁵ Nicolae Gogol, *O noapte de Mai*, «România liberă», Бухарест, 1885, № 2506/3 (15) декабря — № 2817/17 (29) декабря.

⁴⁶ *Strigoaică, Din fantasiile lui Nicolae Gogol*, «Tribuna», Сибиу, 1886, 11/23 апреля — 1/13 мая.

⁴⁷ *Vecinii, Din fantasiile lui Nicolae Gogol*, «Tribuna», Сибиу, 1886, 22 августа (3 сентября) — 11 (23) сентября.

⁴⁸ *Strigoaică. Din fanteziile lui Nicolae Gogol*, Сибиу, 1886, 72 стр.

Vecinii. Din fantaziile lui Nicolae Gogol. 1886, 88 стр.

⁴⁹ N. Gogol. *De noaptea Sf. Ion*. Spusă adevărată povestită de dascălul bisericei * * * trad. S. Cujbă. «Vatra», Бухарест 1895, № 7, стр. 203 — 207; № 8 стр. 238 — 239; № 9 стр. 273 — 275.

⁵⁰ N. Gogol. *Răzbunare ingrozitoare*. Roman tradus de B. Marian, Бухарест 1898, 110 стр.

⁵¹ Например *Майская Ночь* вышла на румынском языке в 1907 г. в газете *Viitorul* (Будущее) (*O noapte de mai*, traducere de Virgil Caraivan, «Viitorul», Бухарест, 1907, 15/28 дек. — 25/7 дек., и этот же перевод переиздался отдельной книгой в 1908 (*O noapte de mai*, traducere de Virgil Caraivan, Бухарест 1907, 68 стр. Biblioteca pentru toți, № 317), затем в 1915 г. (N. Gogol. *O noapte de Mai* în traducere de Zaharia G. Ionescu. Бухарест 1915, стр. 111 (Biblioteca Minerva no. 176), в 1924 г. вновь переиздавался перевод 1908 года. (*O noapte de Mai*, traducere de Virgil Caraivan. Бухарест 1924, VII + 68 стр. Biblioteca pentru toți. no. 317).

сказы из этого цикла, как, например, *Предисловие* к I части, под названием *Присэкарул Рудый Панько* (Пасечник Рудый Панько) в журнале *Флакэра* (Светоч)⁵², *Сорочинская Ярмарка и Пропавшая грамота* в отдельной книге⁵³, « Вечера на Украине ».

Кроме вышеуказанных переводов, нужно отметить в конце XIX-го столетия, в 1895 г., появление в провинциальной газете *Либертатя*⁵⁴ (Свобода, издаваемой в городе Фокшани) отрывка из *Мертвых Душ* (частичный перевод из первой главы), насколько нам известно первый румынский, хотя и частичный перевод гоголевского романа, в 1898 г. первый перевод *Женитьбы*⁵⁵, а также издание отдельной книгой *Записок сумасшедшего*⁵⁶.

В начале XX-го века число переводов растет ещё больше и достигает своей кульмиационной точки в 1909 году в связи с празднованием столетия со дня рождения Гоголя.

Так, например, в 1901 г. печатается в журнале « *Noua Revistă Română* » (Новый румынский журнал) перевод *Коляски*⁵⁷. Автором его был Штефан Басарабяну (Виктор Кресэску), писатель, знающий русский язык. В 1904 г. печатается *Ревизор* в провинциальной типографии в Ботошанах⁵⁸, а в 1905 г. выходит другой перевод *Ревизора* в журнале « *Munca Literară și științifică* » (Литературная и научная работа)⁵⁹. Автор первого перевода М. Векслер, второго Семен Морозов. В том же 1905 г. газета *Кроника* (Хроника) печатает анонимный перевод *Мертвых Душ*⁶⁰. В 1906 г. выходит отдельным изданием пьеса *Ревизор* в переводе С. Морозова, в 1907 г. печатается новый перевод *Майской ночи* в газете *Viitorul* (Будущее), подписанный Виржилом Карайваном⁶¹, который выходит потом отдельным изданием в 1908 г., когда появляются и два новых перевода повести *Тарас Бульба*, один с французского текста, а другой с русского⁶².

⁵² N. Gogol. *Prisăcarul Rudii Panko*. Trad. I. Botez (Din: *Şezătoare din cătunul de lingă Dikanka*) « Flacăra », Бухарест, 1915. № 3 окт. 31, стр. 32—33.

⁵³ N. Gogol. *La șezătoare în Ucraina*. Trad. de Mihail Gh. Ionescu, Бухарест. 1915, 95 стр. (Biblioteca « Minerva » № 168).

⁵⁴ Nicolai Gogol—*Suflete moarte*—Libertatea, Фокшань, 19 октября 1895.

⁵⁵ N. Gogol—*Însurătoarea*—Întîmplare cu totul de necrezut, în 2 acte (Scrisă în 1833) trad. din рус. de A. Giers. Яссы 1899, 65 стр.

⁵⁶ N. Gogol. *Memoriile unui nebun*. În românește de B. Marian, Бухарест 1899, 87 стр.

⁵⁷ N. Gogol. *Căleașca* (Scenă de garnizoană, trad. din рус. de St. Basarabeanu) « Noua Revistă Română », Бухарест, 1901, № 41, стр. 196—202.

⁵⁸ N. Gogol. *Revizorul*. Comedie în 5 acte. Tradusă în românește de M. Wechsler Ботошаны, 1904, 118 стр.

⁵⁹ N. Gogol. *Revizorul*. Comedie în 5 acte. Tradusă din рус. de Simeon N. Morozov, « Munca Literară și Științifică », Пятра Нямц, 1905, I, № 10, стр. 730—753.

⁶⁰ N. Gogol. *Suflete moarte* (roman) « Cronica », Бухарест, 1905/ № 1227, 6 авг. № 1320/4. декабря.

⁶¹ Смотри прим. 41.

⁶² Смотри прим. 51.

Также в 1908 г. появляется в газете *Viitorul* (Будущее) за подписью Эм. Григоровица⁶³, хорошего знатока русского языка, (между прочим, автора одного из первых румынско — русских и русско-румынских словарей) до того не переводившаяся повесть *Старосветские помещики*.

Как уже было сказано, особенно интенсивно переводится Гоголь в 1909 г. в связи с празднованием столетия со дня рождения писателя.

Теперь печатается первый перевод гоголевского рассказа *Портрет* в газете *Ordinea* (Порядок)⁶⁴. Перевод не полный, он останавливается на смерти Чарткова.

В следующем году появляется новый перевод этого же рассказа за подписью Г. Д. Белинского, много переводившего в те годы из русской литературы и работавшего, как он сам это подчеркивает, « с русского текста »⁶⁵.

Этот же переводчик печатает в 1909 г. в газете *Эпока* (Эпоха)⁶⁶ на румынском языке *Невский Проспект*. Одновременно в газете *Ordinea* (Порядок) появляется анонимный перевод рассказа *Нос*⁶⁷.

К тому же 1909 г. относятся повторные переводы, уже ранее известных румынскому читателю гоголевских произведений, но которые выгодно отличаются от своих предшественников в смысле точности и возможности передачи художественных особенностей оригинала. Такими являются переводы *Шинели и Коляски*⁶⁸ Др. И. Дусчана, знатока и ценителя русской литературы, много сделавшего для ее распространения в Румынии. На ряду с Др. И. Дусчаном следует положительно оценить переводы писателя Николая Дуныряну (*Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем и Ревизор*)⁶⁹, также ярого поклонника русской литературы, лично знавшего и дружившего с В. Г. Короленко во время его приездов в Румынию, и неоднократно переводившего произведения русских писателей.

Его перевод *Ревизора*, несомненно, художественнее всех ранее известных передач гоголевской пьесы на румынском языке. Недаром его текст

⁶³ N. Gogol — *Oameni vechi* — trad. de Emil Grigorovitz, « Viitorul », 1908, № 192/22 мая (4 июня) № 263/2 (15 июня).

⁶⁴ N. Gogol. *Portretul*, Nuvelă « Ordinea », Бухарест 1909, 17 марта — 7 апреля.

⁶⁵ N. Gogol, *Portretul (Poveste)* trad de Gh. D. Belinschi, « Епока », Бухарест 1910, № 142/20 июня, № 149/29 июня.

⁶⁶ N. Gogol. *Prospectul Nevschi*, trad. de G. D. Belinski, « Епока » Бухарест 1909, № 260/11 ноября — 272/25 ноября.

⁶⁷ N. Gogol. *Nasul* (nuvela) Ordinea, Бухарест 1909. № 547/17 октября, №. 559/1 ноября.

⁶⁸ N. Gogol. *Manta și Caleașca*. Nuvele. trad. din rusește de Dr. I. Duscan Бухарест 1909, 95 стр. (Biblioteca pentru toți, №. 457).

⁶⁹ N. Gogol. *Poveste pentru ce s-a certat Ivan Ivanovici și Ivan Nikiforovici*, trad. din rusește de Nicolai Dunăreanu. Бухарест 1909, 75 стр. (Biblioteca Minervei №. 55).

N. Gogol — *Revizorul*, Comedie in 5 acte. Tradusă din rusește de N. Dunăreanu. Бухарест, 1909, 120 стр. (Biblioteca Teatrului Național (No. 5)).

был принят для представления пьесы на сцене бухарестского национального театра (12 окт. 1909 г.).

Другой, не лишенный интереса факт, относящийся к той же эпохе, — обращение переводчиков к второстепенным по своему значению произведениям Гоголя или менее известным широким массам, а иногда и к произведениям незаконченным, дошедшим до нас в отрывках. Так, например, в 1909 г., Г. Д. Белинский переводит очерк *Жизнь*⁷⁰, и, с некоторыми сокращениями, статью *О малороссийских песнях*⁷¹. В том же году неизвестный переводчик напечатал в газете *Эпока* (Эпоха) отдельно *Повесть о капитане Копейкине*⁷², причем не известную всем окончательную редакцию, а вторую редакцию повести⁷³.

В следующем, 1910 году, Г. Д. Белинский печатает две главы из незаконченного исторического романа *Пленник и Гетман*⁷⁴. Вскоре после этого переводчик издал отдельной книгой все эти произведения и отрывки, прибавив к ним *Повесть о Капитане Копейкине*⁷⁵. В этом же 1910 году, в журнале *Жунимя Литерара* (Литературная Молодежь) был напечатан перевод 3-его письма из цикла «4 письма к разным лицам по поводу *Мертвых Душ*», а газета *Эпока* начала публиковать новый перевод *Мертвых Душ*. Но переводчик, тот же Г. Д. Белинский, оставил труд незаконченным, остановившись на сцене переговоров Чичикова с Коробочкой⁷⁶.

Обращение к менее известным или неоконченным произведениям Гоголя говорит об очень широком охвате переводами его творчества. Такой охват давал возможность румынскому читателю познакомиться с самыми разнообразными сторонами деятельности русского классика. Одновременно переводы таких менее значительных или неоконченных произведений показывают, что интерес к Гоголю был большим, что читателю уже были хорошо известны основные сочинения, и он стремился познакомиться с новыми, ему еще не известными страницами русского писателя.

⁷⁰ N. Gogol — *Viața*, tradusă din original de Gh. D. Belinski, «Епoca», Бухарест, 1909. 30 октября, стр. 2.

⁷¹ N. Gogol — *Cinetece Malorosiene*, trad. de Gh. D. Belinski, «Епoca», Бухарест, 1909, 24 ноября, стр. 1—2.

⁷² N. Gogol. *Povestea căpitanului Kopeikin* din «Suflete moarte», «Епoca», Бухарест, 1909, 30 сентября—1 октября.

⁷³ Сочинения и письма Н. В. Гоголя. изд. В. В. Каллаш, т. IV, стр. 363—375.

⁷⁴ N. Gogol — *Prizonierul*, trad. de Gh. D. Belinski, «Universul literar» Бухарест, 1910, № 6/8 февраля, pag. 5.

N. Gogol, *Hatmanul*, trad. de Gh. D. Belinski, «Епoca», Бухарест, 1910, 23 май—25 май.

⁷⁵ N. Gogol — *Hatmanul*, *Viața*, *Prizonierul*, *Povestea căpitanului Kopeikin*, Traduse din rusește de Gh. D. Belinski. Бухарест, 1910, 32 стр. (Biblioteca «Lumen» №. 56).

⁷⁶ N. Gogol — *Suflete Moarte sau Aventurile lui Cicicov* — «Епoca», Бухарест, 1910, № 27/4 фев. — № 44/24 фев. 1910.

Интенсивность процесса распространения гоголевских произведений в Румынии спадает после 1910 года. Среди самых интересных моментов до 1917 года следует отметить такие: в 1911 году переиздание *Записок сумасшедшего* в переводе Б. Марияна⁷⁷, а также новые переводы *Портрета* и *Записок сумасшедшего*, сделанные Др. И. Дусчаном;⁷⁸ в 1912 г появляется в провинциальной газете *Ромынул*, выходившей в Араде, новый перевод *Мертвых Душ*, подписанный псевдонимом Сениор⁷⁹, в 1915 г, как уже было сказано, переводятся некоторые рассказы из цикла *Вечеров на хуторе близ Диканьки*⁸⁰.

Из всего сказанного видно, что к 1917 году румынский читатель мог прочесть на родном языке почти все произведения Гоголя (за некоторыми небольшими исключениями). Если бы подвести итог процессу распространения Гоголя в Румынии в изученный период, нужно указать, что сборник *Миргород* был полностью переведен, из *Петербургских Повестей* остался не переведен только отрывок *Рим*, главные драматические сочинения (*Ревизор* и *Женитьба*) были известны, а также и роман *Мертвые Души*. Нельзя забывать и об отрывках из незавершенных произведений, или о менее известных сочинениях. Больше всего осталось не переведенных рассказов из цикла *Вечеров* (*Предисловие ко второй части, Ночь перед Рождеством, Иван Федорович Шпонька и его тетушка и Заколдованное Место*). Кроме того, почти для каждого произведения существовало два или даже несколько переводов, что давало возможность читателю выбрать наиболее художественный, а также доказывало большой запрос читательских масс на такие переводы. Так, например, до 1917 г. повесть *Тарас Бульба* была переведена 4 раза на румынский язык, *Шинель* 3 раза, *Мертвые Души* — 3 раза, *Портрет* — 3 раза, *Записки сумасшедшего* — 3 раза, *Ревизор* — 3 раза и т.д. Сочинения Гоголя появлялись отдельными изданиями, печатались в литературных и общественных журналах, в газетах, в массовых коллекциях (Минерва, Библиотека для всех, Лумен и т. д.).

Чем объяснить такое широкое распространение творчества Гоголя в Румынии в конце XIX и в начале XX века?

Несомненно следует учитывать интерес читателя, увлеченного передовыми идеями и художественным мастерством писателя, и юбилейную дату, но ссылаться исключительно на эти два фактора, означало бы подходить к проблеме несколько упрощённо.

⁷⁷ N. Gogol, *Memoriile unui nebun*. Traducere de B. Marian. Бухарест (1911) 32 стр. (Biblioteca «Lumen» №. 90).

⁷⁸ *Portretul, Însemnările unui nebun*. Traducere de Dr. I. Duscan. Бухарест (1911) 110 стр. (Biblioteca pentru toți №. 690).

⁷⁹ N. Gogol — *Suflete Moarte* (roman) trad. de Senior «Romînul», Арад 1912, 1/14 января — 20 дек./2 января 1913 18/31 ян.—27 ян./9 февраля.

⁸⁰ Смотри примечание 51.

Научный ответ на заданный вопрос можно получить, лишь, обратившись к историко-социальным условиям, в которых развивалась жизнь румынского народа в указанный период.

В начале 70-ых годов образуются в Румынии первые революционные кружки. « Перед румынским пролетариатом встало, еще с конца XIX века, историческая задача двигать вперёд общество, задача руководить и направлять необходимые буржуазно-демократические изменения по революционному пути » (Г. Георгиу-Деж). Выступая в начале в революционных кружках, развернув стачечную борьбу и прияя затем к политической борьбе, румынский пролетариат обращал постоянно свои взоры к русскому пролетариату и следовал его примеру. Так, например, сильный отклик получили в Румынии события русской революции 1905—1907 г. Не случайно, в 1905 г. организуются первые рабочие профсоюзы и по всей стране проходит волна стачек.

В борьбе румынского пролетариата за свое освобождение и освобождение всех тудящихся масс Румынии из-под эксплуатации, большую роль сыграло влияние передовой русской литературы, воодушевлявшей и звавшей на свержение несправедливости и гнёта, на утверждение подлинного гуманизма и демократизма.

Светлые идеалы русской литературы были сосзучны стремлениям румынского народа, жаждущего свободы. Поэтому не удивительно, что в конце XIX и в начале XX века русская литература проникает широко в Румынию и переводческая и популяризаторская деятельность ведется интенсивно. В ней принимают участие русские политические эмигранты, революционеры знакомившие румынскую передовую общественность с идеями и развитием революционной борьбы в России и с литературными произведениями, связанными с освободительным движением, а также и румынская рабочая печать, или симпатизирующая и близкая к рабочему движению. Так, например, следует напомнить о таких журналах, как *Контемпоранул* (Современник) (1881—1891) широко пропагандировавший идеи русских революционных демократов, и возглавивший борьбу против чистого искусства и его защитников из «Жуними» или *Школа Науэ* (Новая Школа) (1889), *Эвениментул Литерар* (Литературные события), *Литературэ ши Штиинце* (Литература и наука) (1893), *Мунка Литерарэ ши штиинцификэ* (Литературная и научная работа) (1894) *Лумя ноуэ штиинцификэ ши литерарэ* (Новый Мир, научный и литературный) (1895) и.т.д.

В начале XX века много сделал для распространения русской литературы журнал *Виаца Ромынеаскэ* (Румынская жизнь), выходивший с 1906 г, хотя его идеологическая ориентация была « попоранистской » (близкой к русскому народничеству, под влиянием которого она и сформировалась).

В этом широком потоке русской литературы, проникшем в Румынию в начале XX века, среди других писателей (Толстой, Тургенев, Белинский,

Чернышевский, Достоевский, Короленко, Пушкин, Лермонтов), должное место занял и Н. В. Гоголь.

Острое критическое звучание его произведений могло положительно повлиять на румынский народ в его борьбе против угнетения и эксплуатации. Не случайно, в 1905 г., переводятся два из наиболее сатирических сочинений Гоголя (*Ревизор* и *Мертвые Души*), разоблачавших такие стороны жизни, которые могли найти отклик и в румынской действительности: взяточничество административно-чиновниччьего аппарата, угнетение им народа и паразитизм, разложение помещичьего класса. Для того чтобы лучше понять агитационное звучание творчества Гоголя, не лишне привести отрывки из редакционной заметки газеты *Кроника* (Хроника), сопровождавшей перевод *Мертвых Душ* в 1905 г. Подчеркивая, что «в России происходят события исключительной важности» и что «война с Японией перестала интересовать общественное мнение, . . . и весь мир занят только русской революцией; все глядят пристально на этот северный колосс, подточенный различными невзгодами, который может рухнуть . . .» газета объявляет о своем желании познакомить глубже румынского читателя с русской жизнью, тем более, что «в России много великих писателей, — философов и непревзойденных мыслителей . . .». Для ознакомления с русской жизнью она избрала роман Гоголя «*Мертвые Души*» — «великое творение, переведенное на все языки в сотни тысячах экземпляров».

Сочетание на страницах газеты сообщений о развитии революционных событий в России с картинами нравов помещичьего и чиновниччьего мира, изображенных в романе Гоголя, имело своеобразный агитационный эффект. Познакомившись с жизнью Манилова, Ноздрёва, Собакевича, Плюшкина или губернских чиновников, румынский читатель не мог не признать, что правильно поступили русские рабочие, поднявшись на борьбу против «мертвых душ».

О мощном звучании творчества Гоголя, в те годы в Румынии, говорит и стихотворение Барбу Лэзаряну *Рапсодия*, опубликованное в 1907 г. в *Вииторул Социал* (Социальное будущее).

Знаменательно в этом смысле и отношение к русскому писателю со стороны правой печати. Так, например, в юбилейный год, в буржуазно — помещичьей газете *Эпока* была опубликована *Повесть о капитане Копейкине*⁸¹, в варианте в котором Копейкин уезжал под конец в Америку, и оттуда посыпал письмо царю, рассказывая о несправедливом и безжалостном отношении к себе, и советовал царю заботиться об инвалидах и обездоленных, что последний не замедлил исполнить.

Такая концовка снижает критическое звучание *Повести о капитане Копейкине*. Опубликование этого варианта вместо окончательной редакции

⁸¹ Смотри примечания 72 и 73.

показывает ясно позицию газеты и её стремление стушевать сатирические, социальные мотивы в творчестве Гоголя.

Еще больше, чем в предыдущие годы, в конце XIX и начале XX века, произведения Гоголя широко проникнувшие в Румынию оказали положительное влияние в деле укрепления и дальнейшего развития критического реализма в румынской литературе тех лет. В своей борьбе за идейное, передовое искусство, глубокого социального звучания, критики и беллетристы, группировавшиеся вокруг журнала *Контемпоранул*, или других органов рабочей печати, опирались неоднократно на пример русской литературы, и в первую очередь на творчество Гоголя. Так, один из самых активных сотрудников рабочих журналов и газет, критик Раику Ионеску Рион, подняв знамя борьбы против декадентской литературы, и против теории чистого искусства, приводит в свою защиту пример России « где искусство является поприщем, на котором социальная критика может проявиться более свободно, более нестесненно. Каждый русский писатель своим талантом наносит беспощадные удары несправедливым, беспомощным порядкам ». Подчеркивая, что « несомненно, одна из причин, объясняющих нынешний успех русской литературы в Европе, её широкая альтруистическая основа, глубокое и теплое сочувствие к страданиям 80-ти миллионному народу . . . » критик цитирует Гоголя, как одного из главных представителей глубоко идейного искусства⁸².

Известный критик Доброжеану-Геря, один из главных представителей кружка *Контемпоранул* и защитников народного прогрессивного искусства в своей статье *Социальные идеалы и искусство* (1893), цитирует Гоголя, как одного из замечательных писателей 40-ых годов, « разбудившего Россию к литературной и художественной жизни », а также к « гражданской, человеческой жизни ». В статье, посвященной Достоевскому, Геря перечисляет имена Гоголя, Пушкина, Лермонтова, Гончарова, как писателей, показавших европейскому читателю красоту русской литературы и её действенную силу. Румынский критик сопоставляет талант Гоголя с талантом Караджале и относит обоих писателей к разряду писателей-сатириков: « Немногочисленны гении, которые своим смехом бичевали пороки общества: Аристофан, Ювенал, Эразм Роттердамский, Рабле, Мольер, Свифт Вольтер, Гоголь, Щедрин; вот и всё. Караджале не гений, но несомненно сатирический талант . . . » говорит он в своей статье *И. Л. Караджале*: В той же статье Геря подчеркивает, что у Караджале, как и у Гоголя « смех сквозь слёзы » и приводит в качестве примера известную сцену чтения « Мертвых Душ » Пушкину, заключившуюся, как мы знаем, восклицанием поэта: « боже, как грустна, наша Россия ».

⁸² Raicu Ionescu Rion, *Literaturile decadente*, « Evenimentul Literar », Яссы 1894, № 18, 18 апреля, стр. 1—2.

В журнале *Адеверул иллюстрат* (Иллюстрированная правда) появляется в 1896 г. заметка о Гоголе (за подписью Руг), в которой подчеркивается могучий реализм его произведений «... в которых он показал настоящую Россию, всю Россию, со всеми её бедами, со всеми её смешными и уродливыми сторонами. Тонкий сатирик, Гоголь бичевал с непревзойденным мастерством смешные нравы русской администрации и в своей комедии *Ревизор* вывел на сцену настоящие типы гнилого административного аппарата империи...»⁸³.

В трансильванском журнале *Фамилия* (Семья), живо интересовавшемся русской литературой, встречаем, в 1900 г., статью *Народное течение в русской литературе* за подписью Кориолан Неделку,⁸⁴ почти полностью посвященную Гоголю⁸⁵. Автор правильно указывает на главные заслуги Гоголя перед русской литературой, а именно на народность и реализм его творчества. Одновременно, в статье подчеркивается, что Гоголь положил начало новому направлению в русской литературе, блестяще развившемуся в дальнейшем. «Только гений Николая Гоголя был призван и смог дать новое направление русской литературе... только его рука осмелилась сорвать покров вечной тьмы с политических, социальных и моральных порядков России и выставить их во всей наготе перед глазами цивилизованного мира...».

Его литературные заслуги бессмертны. Его имя вписано золотыми буквами в книгу русской литературы... Основав народную литературу он образовали новую литературную школу. Вслед за народностью в русской литературе явился и реализм...»

В том же 1900 г., Рыдулеску Мотру выступает со статьей «*Социальные идеалы и искусство*» в *Noia Revista Romînă*⁸⁶ в которой, показывая бесплодность теории чистого искусства, утверждает, что наступило время обратиться к реалистическому, передовому искусству: «Сатира, тенденциозные политические рассказы и романы... искусство Гоголя и Щедрина... вот что было бы нам в первую очередь необходимо в данное время».

О том же значении Гоголя в утверждении критического реализма в румынской литературе, говорит и борьба, развернувшаяся в 1909 г., вокруг первого представления на румынской сцене подлинного *Ревизора* (в переводе

⁸³ Nicolae Gogol. Rug, «Adevărul ilustrat», № 23, 12 авг. 1896, стр. 3.

⁸⁴ Drd. Coriolan Nedelcu, *Curentul național în literatura rusească*, «Familia», 1900, стр. 78—79.

⁸⁵ Журнал «Фамилия» и до этой даты опубликовал несколько заметок о Гоголе (в 1881 г. и 1883 г.)

⁸⁶ C. Rădulescu - Motru. *Idealurile Sociale și artă*. «Nouă Revistă Română» Бухарест, 1900, № 2, 15 ян. стр. 54—61.

писателя Н. Дунаряну⁸⁷. Передовая печать, например, журнал *Viața Românească*, подчеркнула в своих выступлениях значение представления этой пьесы для повышения художественного уровня театрального репертуара. Известный прогрессивный публицист и писатель, Н. Д. Коча, подчеркивал по этому случаю необходимость . . . «поднять нашу публику до понимания высокого искусства . . .» и говорил: «. . . безнравственно играть на сцене Национального Театра слабые пьесы, которые только развращают вкус публики, в то время как столько прекрасных пьес из всемирного репертуара ждут увидеть свет нашей лучшей сцены . . . Видно, что г. Генеральный директор театров понял это . . . в последние дни он поставил при участии самых лучших артистов театра . . . сатирическую комедию Гоголя: *Ревизор* . . .⁸⁸

Журнальная полемика, разгоревшаяся после представления пьесы, ясно подчеркивает позицию отдельных её участников. Реакционно настроенные журналисты стремятся доказать, что содержание пьесы устарело, и, что её сатирическая направленность остается беспредметна в румынской действительности той эпохи. «Нравы, изображенные в пьесе, исчезли совершенно . . . даже в России, думаю, что нет больше таких подлецов и глупцов. Сегодня они живут еще . . . только в пьесе Гоголя» — утверждает один из них⁸⁹.

Совсем иную точку зрения защищает Н. Д. Коча: «Сатирическая комедия Гоголя, хотя и написана почти 100 лет тому назад, для России сохранила и сейчас свое сатирическое значение, и не только для России, но и для многих других стран, среди которых следует назвать и нашу дорогую страну. Наши читатели не впервые познакомились сегодня с этим родом чиновников, подхалимствующих по отношению к сильным, высокомерных с подчиненными, считающих, что служба — это своего рода имение, которое можно эксплуатировать сколько угодно . . .»⁹⁰.

Театральный критик Ем. Д. Фагуре подчеркивает, что «Гоголь показал в этой комедии не только смешные, но и уродливые стороны жизни, в первую очередь, отвратительные картины чиновниччьего казнокрадства . . . Перед нашими глазами проходит весь административный произвол: взятки, продажный суд, кража лекарств, предназначенных для больных, . . . подарки, . . . одним словом целая серия административных произвольных поступков;

⁸⁷ Более подробно об этом представлении Crin Teodorescu Mugur *Primele reprezentări românești cu «Revizorul» lui Gogol*, Studii și cercetări de Istoria Artei, Бухарест 1954, no. 1—2.

⁸⁸ N. D. Cocea, *Cronică teatrală*, «Viața Românească», Яссы, 1909, стр. 127.

⁸⁹ C. Rîuleț, «Revizorul» de Gogol (Viața Teatrală) «Voința Națională», Бухарест, 1909, 18/31 окт., стр. 2.

⁹⁰ N. D. Cocea — *Cronica teatrală*, «Viața Românească», Яссы, 1909, стр. 282.

мы видим гнилой административный аппарат, безнравственный... и в этом нет ничего весёлого»⁹¹.

Бурные споры поднялись и вокруг роли Хлестакова. Артист Петре Личиу опирался в создании образа на указания самого Гоголя, слова которого из «Предуведомления для тех, которые пожелали бы сыграть как следует «Ревизора», он цитирует в письме в котором защищает свою точку зрения (стремление избежать карикатуру, создать подлинно реалистическую роль и глубоко сатирический характер)⁹². В полемике с Ем. Д. Фагуре, считавшем, что Хлестакова нужно играть, как отъявленного мошенника, сознательно взявшего на себя роль мнимого Ревизора, среди других, выступивших на стороне Петре Личиу, был и Н. Д. Коча окончательно и убедительно показавший, что артист правильно понял роль и создал образ вполне соответствующий замыслу Гоголя.

В этот период конца XIX и начала XX века знакомятся с творчеством Гоголя и некоторые видные румынские писатели, и в первую очередь Михаил Садовяну. Вспоминая годы своей молодости, проведенные в Яссах, румынский писатель говорил: «Тогда, в Национальной Гимназии я познакомился во французских переводах с Достоевским, Толстым, Тургеневым, Пушкиным и Лермонтовым, Щедриным и Горьким... на некоторое время увлекло меня высокое искусство Николая Гоголя. Его украинские *Вечера*, *Сорочинская ярмарка*, *Тарас Бульба*, *Мертвые Души* оставили в моей душе на долгое время радостное чувство. Его книги были для меня хлебом и солью в годы, когда эти необходимые для моего физического существования вещи отсутствовали полностью»⁹³.

Отклики этого увлечения Гоголем, и, более точно, влияние повести *Тарас Бульба* чувствуется в юношеском историческом романе Михаила Садовяну «Шоймий» (Соколы), вышедшем в свет в 1904 г.

О гоголевской повести напоминают в историческом романе Садовяну общая атмосфера, героически-романтическая, пафос свободы, глубокий лиризм, которым овеян рассказ, поэтическое отношение к природе, гордые, смелые, свободолюбивые положительные герои, выступающие как защитники правды и Родины, широкие батальные полотна, массовые сцены. Описания природы, в первую очередь степи, жизнь в Сечи, образы казаков, также во многом напоминают *Тараса Бульбу*. Можно было бы заметить некоторое сходство в образе Андрея и младшего из братьев Поткоавэ, Александра, более сентиментального, лирически настроенного, чем Никоарэ. Отдельные сцены в историческом романе Садовяну заставляют вспом-

⁹¹ Е м. D. F a g u r e. «Revisorul» de Nicolae Gogol (Cronica teatrală) «Adevărul», Бухарест, 1909., окт. 14, стр. 1.

⁹² Petre Liciu, «Minerva», Бухарест, 20 окт., 1909.

⁹³ Mihail Sadoveanu, *Literatura în Uniunea Sovietică*. Evocări, Бухарест, 1954, стр. 182—183.

нить о повести Гоголя: битва при переходе Днестра, пир в Сечи, смерть Никоарэ.

Другое произведение румынской литературы, относящееся к тому же периоду и говорящее о влиянии творчества Гоголя, это рассказ Брэтеску-Вайнешти «Шинель Исаии», опубликованный в 1909 г. Мелкий, незаметный чиновник Исаия сумел осуществить свою давнюю мечту, которую он лелеял со дня поступления на службу, а именно купить новую шинель на меху. Но вдруг шинель исчезает. После тщетных поисков, Исаия просит прислать из дома старое свое пальто и с глубокой грустью вспоминает о своем коротком счастье. Как мы видим, сюжет и центральный образ очень близок *Шинели*. Хотя румынский писатель не говорит о своем знакомстве с творчеством Гоголя, близкая связь между двумя произведениями заставляет предполагать влияние русского писателя, тем более, что повесть *Шинель* уже давно существовала в румынском переводе (с 1876 г.) и пользовалась большим успехом у читающей публики, о чем свидетельствует дальнейшие неоднократные новые переводы и переиздания.

Рассказ Брэтеску-Вайнешти короче, чем повесть Гоголя. Он весь сконцентрирован вокруг одного эпизода из жизни чиновника, эпизода шинели. (Приход на службу в новой шинели, гордость и радость Исаии, удивление и одобрение сослуживцев, исчезновение шинели, надежда, что это только чья-нибудь шутка, и, в конце-концов, уяснение горькой правды, что шинель украдена). Образ Исаии менее развернут, чем Башмачкина; даётся меньше сведений о его жизни. В румынском рассказе Исаия не такой бедный, беззащитный, и всеми угнетаемый, как Акакий Акакиевич. Над ним не издаются, а только подтрунивают, его даже любят в департаменте. В материальном смысле он тоже не так стеснен, как Акакий Акакиевич. Его образ лишён той трагичности, печать которой лежит на судьбе бедного Башмачкина, и которая придает особую силу повести.

Одновременно и идеал гуманизма, уважения человеческой личности, негодование против тех, кто унижает и оскорбляет достоинство человека, которые звучат так мощно в повести Гоголя, у Брэтеску-Вайнешти заменены добренским сочувствием к человеку, которого не столько унижали и оскорбляли, сколько ему не повезло, у которого украдли долгожданную шинель, но для которого потеря шинели не означает потери самой жизни. Отсюда и иная концовка в румынском рассказе. Трагическое звучание сведено почти на нет, оно заменено слезливой сентиментальностью, а нота негодования, протesta и вовсе отсутствует.

После того, как был установлен факт широкого распространения творчества Гоголя в Румынии в последние годы XIX и в начале XX века, необходимо остановиться на качестве тех переводов, при помощи которых знакомился румынский читатель с художественным наследием русского писателя.

Во-первых, нужно подчеркнуть, как положительное явление, что, в противовес более ранним переводам произведений Гоголя, сделанным в 70-ые и 80-ые годы XIX века, которые были все анонимными, переводы печатавшиеся в следующие десятилетия появляются за подписью переводчика. Это увеличивало ответственность переводчика за свою работу и способствовало поднятию качества переводов.

Среди первых переводчиков Гоголя на румынский язык встречаем имена людей, немало сделавших для распространения русской литературы в Румынии, как например: Др. И. Дусчиан, Николае Дунэряну, Штефан Басарабяну (Виктор Кресеску), Г. Д. Белинский или такие имена как Эм. Григоровица, Виржил Карайван.

Требует положительной оценки тот факт, что в этот период среди переводчиков Гоголя встречаются и писатели, как, например, Николае Дунэряну и Штефан Басарабяну. Необходимо также подчеркнуть, что в этот период, в противовес предыдущему, растёт удельный вес переводов, сделанных непосредственно с оригинала, так как среди переводчиков появляются многие, знающие русский язык. Хорошим знатоком русского языка был Эм. Григоровица, переведший «Старосветских помещиков». С русского переводили также Дусчиан, Николае Дунэряну, Штефан Басарабяну, Г. Д. Белинский.

Работа непосредственно по оригиналу, причем ещё сделанная человеком, знакомым с литературным творчеством, хорошая гарантия высококачественности перевода. Однако же, нельзя признать художественными, высококачественными все переводы, вышедшие в вышеуказанный период и принадлежащие литераторам, причём ещё и знающим русский язык.

Положительную оценку заслуживают в первую очередь переводы Дусчиана и Николае Дунэряну. Они дают полный и точный перевод оригинала, без сокращений, переработок или отступлений, стремясь воспроизвести атмосферу и колорит гоголевских произведений. Знание русского языка предохраняет в большинстве случаев этих переводчиков от неточной передачи идиомов или их простого исключения из текста, как делают другие. Нужно также подчеркнуть и стремление дать художественные переводы, передать всю красоту и богатство гоголевского стиля.

Не случайно именно перевод *Ревизора*, сделанный Дунэряну, был принят при постановке пьесы на сцене бухарестского национального театра, несмотря на то, что существовали в то время две другие, более ранние версии (Векслера и Семёна Морозова). Перевод Дунэряну выгодно отличается от других двух своей сценичностью, живостью реплик, хорошим румынским языком, а по отношению к переводу М. Векслера, и своей точностью. Перевод *Ревизора* Семёна Морозова точный, но недостаточно художественный и лишен живости необходимой театральным репликам. В основном, положительной оценки заслуживает и перевод *Старосветские помещики* Эм. Григоровицы.

Перечисляя лучшие румынские переводы Гоголя, появившиеся в конце XIX и в начале XX века, необходимо указать и на пьесу *Женитьба*. Во-первых, это один из наиболее ранних переводов этого произведения заграницей;⁹⁴ во-вторых, он привлекает внимание исследователя своей точностью, хорошим румынским языком, живой фразой, динамичностью реплик. Перевод был сделан с оригинала, причем переводчиком был не румын, а русский — А. Гиерс, бывший некоторое время русским консулом в Яссах⁹⁵.

К сожалению этот перевод, заслуживающий, как и сама пьеса, внимания читателя, прошел незаметным. Более того, он даже не послужил толчком к представлению *Женитьбы* на румынской сцене. Гоголевская пьеса была впервые сыграна в Румынии значительно позже, а именно в 1925 г. в Бухаресте, и в 1926 г. в Клуже.

Однако же нужно сказать, что не все переводы произведений Гоголя, сделанные с русского текста, заслуживают положительной оценки. Так, например, переводы писателя Шт. Басарабяну, не могут считаться удовлетворительными, не говоря уже о том, что они не передают ни в коей степени художественных достоинств оригинала. Для доказательства остановимся несколько подробней на его переводе *Коляски*. Этот перевод страдает всеми недостатками, которые мы встречали в первых анонимных переводах из Гоголя. Переводчик позволяет себе сокращать текст, опускать целые отрывки⁹⁶ или, наоборот, развивать его.

В своем произвольном обращении с гоголевским текстом Шт. Басарабяну доходит временами до своеобразного «сотрудничества» с русским писателем. Вот пример такого сотрудничества. Следующий отрывок: « . . . самая рыночная площадь имеет несколько печальный вид: дом портного выходит чрезвычайно глупо не всем фасадом, но углом; против него строится лет пятнадцать какое-то каменное строение о двух окнах. . . » был переведен: « *partea cea mai frumoasă a orașului* B este fără îndoială piața cea mare, însă și acest loc căutat mai cu seamă de toții cîini orașului, nu avea ceva neobișnuit, afară poate numai de casa preotului, care și ea nu ieșea cu fațada pe piață, ci cu dosul, aşa că toate necesitățile, unei curți etc. etc. se vedea bine din piață. » Если перевести румынский текст вновь на русский, то, мы увидим, что он почти ничего общего не имеет с

⁹⁴ 1898, по сравнению с 1911 — французский и немецкий переводы — и 1914 — итальянский.

⁹⁵ Есть в переводе некоторые маленькие недочёты, в особенности в передаче на румынский язык обиходных разговорных выражений. Например «всё, как-то не то» переведено «nu iese tocmai, știi» вместо «nu prea face» «пакости» переведено «pacoste» вместо «rele», «это вздор, это не так» переведено «fleacuri, nu-i aşa» вместо «fleacuri, e o greșală la mijloc».

⁹⁶ Например, был полностью опущен отрывок (Гоголь. Собр. произв. т. III, стр. 223). «Очень ловко соскакивал... поставил дворян на самую лучшую ногу» столь важный для характеристики хвастовства и фанфаронства Чертокуцкого.

гоголевским отрывком, так как звучит следующим образом: « самая красивая часть города Б. несомненно главная площадь. Но и это место, чаще всего посещаемое всеми городскими собаками, не имеет ничего необычного в своем виде; кроме, может быть, дома священника, который также не выходил фасадом к площади, а спиной, так что все служебные постройки двора и т.д. были хорошо видны с площади »⁹⁷.

Также произвольно обращается с гоголевским текстом, другой переводчик, работающий по русскому тексту, Г. Д. Белинский. В его переводе *Портрета* мы встречаем сокращения, пропуски,⁹⁸ своеобразные изменения текста, вплоть до свободного пересказа содержания повести⁹⁹.

⁹⁷ Таких « своеобразных » обработок оригинала, которые иногда даже извращают смысл произведения и, во всяком случае, уничтожают все гоголевское в рассказе, мы встречаем довольно много в переводе *Коляски* Штефаном Басарабяну. Вот, например, отрывок « на улицах ни души не встретишь, разве только петух перейдет через мостовую, мягкую как подушка от лежащей на четверть пыли, которая при малейшем дожде превращается в грязь » был переведен « pe uliți nu întâlnescă și tipenește de om, rareori cîte vre-un calic, trecea pe sub ferestre, abia scoțind picioarele din nisip; însă trebuia numai o ploaie bună și ca prin minune ulițele se prefăceau în mlaștini și lacuri ». (т. е. петух превратился в нищего); или « Модный, дощатый двор, выкрашенный серою краской под цвет грязи, который на образец другим строениям воздвиг городничий во время своей молодости, когда не имел еще обыкновения спать тотчас после обеда и пить на ночь какой-то декокт, заправленный сухим крыжовником » ... переведено: « un alt edificiu de scinduri, vopsit în cenușiu albastru, zidit de primar ca model de arhitectură pentru locuitori, dacă ei ar fi vrut să-și facă o casă în stilul « mon maransí » cum numea primarul primăria ». Или еще более убедительный пример: « один чрезвычайно толстый помещик с короткими руками, несколько похожими на два выросшие картофеля, слушал с необыкновенно сладкою миною и только по временам силился запускать коротеньку свою руку за широкую спину, чтобы вытащить оттуда табакерку » в переводе стало... « bătrânii clătinău din cap și se lingeau pe buze ». (« старики качали головой и облизывали себе губы... »).

⁹⁸ Так, например, пропущен отрывок (Гоголь Собр. произв. т. III, стр. 95—96) « что русский народ заглядывается... в самое, искусство свое ремесло ».

⁹⁹ Вот как, например, своеобразно передается сцена разговора между художником Чартковым и квартальным (Гоголь, Собр. произв. т. III, стр. 115—116) « Cum însă mîinile polițiștilor nu sănt din cele mai subțiri, apăsând cam tare astfel că scîndurica care închidea pînză, plezni și căzu jos cu zgomet un galben și alți cîteva galbeni se rostogoliră pe jos. Certcov sări din pat și strînse, și luă, smulse din mîna comisarului și tabloul. — Cum spui că n-ai cu ce plăti, cînd ai atîta aur, zise comisarul foarte politicos și amabil. — Banii aceștia sănt sfinti pentru mine ! striga Certcov, nu pot să mă ating de ei, fîmi sănt încredințați de tatăl meu... dar hait, iată că să vă mulțumesc, poftim pentru chirie ! Si aruncă cîțiva galbeni gazdei. Gazda luă o mutră amabilă, polițiștul începu să se scuze că el nu făcuse decât forma, că în fond nu putea să-l expulseze din odaie și ca să-l înduplece să creadă ce spunea și oferi și o țigără. Gazda se scuză că-l speriașe numai și că nici în gînd nu avusese să-l dea afară. Certcov fugi repede afară, hotărît să nu mai rămînă aci. » Такой вольный перевод сочетающий пересказ с сокращением искажает развитие действия: квартальный видит деньги у Чарткова, Чартков платит на месте за квартиру, хозяин квартиры и квартальный извиняются перед Чартковым и просят принять все за шутку, но художник возмущенный выбегает из квартиры, решивши никогда больше туда не возвращаться.

Необходимо также заметить, что перевод *Портрета* не полный, он останавливается на смерти Чарткова. Ничем не лучше его же перевод *Невского Проспекта*¹⁰⁰. Вообще во всех переводах поданных именем Г.Д. Белинского (*Мертвые Души*¹⁰¹, Жизнь, Повесть о капитане Копейкине, Гетман и т.д.) мы встретим ту же систему, то же отношение к переводимому тексту.

Конечно в таких переводах, как Шт. Басарабяну и Г. Д. Белинского и речи не может быть о сохранении и передачи художественных особенностей оригинала! Подчас и само содержание передавалось весьма приблизительно. Читатели, обращающиеся к таким переводам, к сожалению, составляли себе довольно искаженное представление о таланте Гоголя.

Такое очень свободное отношение переводчиков к оригиналу было довольно широко распространено в Румынии вплоть до 1944 г. Очень часто оно рождалось под влиянием и по примеру плохих французских переводов, позволяющих себе сокращать и изменять текст.

Перечень слабых переводов Гоголя на румынский язык можно увеличить, и вообще нужно признать, что до 1917 г. они превосходили число хороших переводов. Некоторые из них, как например, анонимный перевод *Повести о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем* (под названием *Соседи*¹⁰²), сокращают оригинальный текст, подчас имеют грубые ошибки¹⁰³, в какой-то степени стремятся передать, хотя бы некоторые стилистические особенности оригинала.

В эту категорию можно было бы отнести анонимный перевод *Портрета*, вышедший в 1909 г.¹⁰⁴, *Майскую ночь* в переводе Виржила Карайвана¹⁰⁵, анонимный перевод *Носа*¹⁰⁶, опубликованный также в 1909 г. и т.д.

¹⁰⁰ Вот один из многих примеров, которые можно привести. Отрывок: « женитесь на мне » — подхватила с наглым видом молчавшая дотоле в углу её приятельница. « Если я буду женою, я буду сидеть вот так » и при этом она сделала какую-то глупую мину на жалком лице своем, которою чрезвычайно рассмешила красавицу ». был переведен следующим образом: « Să se însoare cu mine ! repeta ea chicotind, adresîndu-se prietenii sale tăcute, care nu mai ascultase pînă acum. Ei și cum îmi va sădea oare măritată ? Si lenorocită făcu un grimas stupid, atât de stupid, care părea că întunecă acea frumusețe naturală a ei ».

Вольность перевода сочетается здесь с явным непониманием русского текста, так как у переводчика вместо молчаливой подруги говорит красавица, обворожившая Пискарёва.

¹⁰¹ В *Мертвых Душах* опускаются, например, (Собр. произ. т. V), « получают покойную комнату... всех подробностях проезжающего » (стр. 10) « ... где нарисован был биллиард... Питетный дом... » стр. 15. Переводчик сокращает часто богатые, длинные фразы, развернутые сравнения и конечно, тем самым, искажает гоголевский стиль.

¹⁰² См. стр. 129.

¹⁰³ В этом переводе встречаем такие ошибки: сундук — dulap ; горожанка — mahala-gioaică, конфузия чина моего — confundarea rangului meu ; весь стан её был похож на кадушку — statura ei semăna cu un castravete etc.

¹⁰⁴ См. стр. 131.

¹⁰⁵ См. стр. 129, прим. 51.

¹⁰⁶ См. стр. 131.

Другие же, как, например, анонимный перевод *Страшной Мести*¹⁰⁷ сочетают неточность, пропуски, ошибки с серым банальным стилем, ни в коей мере не передающий особенности гоголевского стиля, а иногда доходят даже до его искажения. По всей вероятности, переводчик *Страшной Мести* понял, что ему не совладать с прекрасным описанием Днепра и после первого предложения отказался от попытки переводить соответствующий отрывок. Такой же серый и тяжеловесный и перевод *Записок сумасшедшего* Б. Мариана¹⁰⁸.

Наряду с переводами, сделанными непосредственно с русского текста существуют и переводы сделанные с французского.

Некоторые переводчики сами же сообщают об этом¹⁰⁹.

Для некоторых переводов возможно установить иностранный (преимущественно французский) источник, путём сопоставления и сравнения румынского текста с соответствующим французским переводом, о котором предполагаем, что он был использован в качестве оригинала.

Так, выше было указано, что отдельное издание 1883-го года *Тараса Бульбы* является почти калькой с перевода Луи Виардо.

Также по французскому тексту был сделан и первый румынский перевод *Ревизора*, вышедший в свет отдельным изданием в 1904 г. При первом чтении перевод Векслера производит хорошее впечатление: полный, без сокращений или пропусков, точный, живой на хорошем румынском литературном языке. Это и привело некоторых исследователей к утверждению, что Векслер переводил с подлинника¹¹⁰.

Однако, при более тщательном анализе перевода, некоторые, довольно грубые ошибки, легко позволяют установить источник по которому работал румынский переводчик. Это французский перевод Проспера Меримэ (*L'inspecteur general*). Румынский переводчик перенял у талантливого французского писателя, не только живость, динамичность диалога, беглость текста, некоторые удачные выражения, но и целый ряд ошибок в понимании русского текста. А именно эта общность и выдает источник Векслера. Вот несколько примеров доказывающих то, что Векслер переводил с французского текста:

¹⁰⁷ См. стр. 129.

¹⁰⁸ Не говоря уже о прямых ошибках: «благородный» — переводится дословно «om cum se cade», «камерюнкер» — «gentilom de cameră»; «директорская квартира» «cabinetul directorului» и т.д.

¹⁰⁹ Например: N. Gogol. *Tarass Bulba*. Nuvelă tradusă din franțuzește de Gr. Tăușan. Бухарест, 1908, стр. 156.

¹¹⁰ См. Crin Teodorescu-Mugur, *Primele reprezentări românești cu «Revizorul» de Gogol*, Studii și cercetări de istoria artei, Бухарест, 1954, 1—2, стр. 183.

Осип:... Не видал ли я разве кровати, что ли!...

Je ne l'ai pas même regardé, votre lit, moi...

Nici măcar nu m-am uitat la pat.

или

Осип: Галантерейное, чорт возьми, обхождение! Невежливого слова никогда не услышишь, всякий тебе говорит « вы ».

Au diable la galanterie! Elles n'ont pas un mot tendre à vous dire, toujours vous!

Dar dă-o dracului toată clica asta de amorezate! Niciodată n-au o vorbă mai bună pentru tine, totdeauna cu « Dvs. »¹¹¹.

Как видно румынский перевод калька с французского, причем копия передала механически текст Проспера Меримэ, как с его положительными сторонами, так и со всеми его ошибками.

По французскому тексту сделан и первый полный румынский перевод *Мертвых Душ*, вышедший в свет в 1905 г.

На первый взгляд перевод кажется довольно точным, без сокращений и пропусков, хотя с художественной точки зрения он оставляет желать лучшего. Последние главы вызывают недоумение читателя, знакомого с подлинником. В XI главе (названной в переводе «Эпилогом») заметна перестановка в последовательности материала: в начале характеристика личности Чичикова, затем рассказ о Кофие Мокиевиче и о Мокие Кофиевиче, и только после этого следует подлинное начало X-ой главы русского текста (т.е. беседа между Чичиковым и Селифаном). Кроме того, перевод не останавливается на лирическом отступлении о Руси, птице-тройке. За XI главой без указания на конец первого тома или на начало второго тома следует XII глава, названная: « Ничтожество и величие Чичикова » (в тексте Шишиков). Содержание этой очень обширной главы не соответствует фактам, описанным Гоголем во втором томе. При более близком ознакомлении с ней мы устанавливаем, что румынский переводчик нашёл эту главу во французском переводе Эрнеста Шарье (1859)¹¹². Этот французский перевод, как известно, дает кроме первого тома романа и главы из второго тома, кончаясь XX-ой

¹¹¹ Или вот другие подобные примеры:

Осип: « Кажись бы теперь весь свет съел... »

« Je parie que tous le monde a diné à cette heure »

« Pun rămăşag că toată lumea a mîncat deja... »

Хлестаков (... подпрыгивает на стуле) (... et tambourine doucement sur la table...) (... și bătînd încet doba pe masă...)

Лука Лукич: « Нет, вы не только о собаках, вы и о столпотворении... »

... « vous savez organiser un dîner... »

... « nu, nu vă pricepeți numai la cîini, săti și să organizați și o masă... »

¹¹² *Les âmes mortes*. Trad. par E. Charrière, Париж, 1859, XXXI, 346; XXXVII, 357 стр.

главой очень своеобразного характера. Эта глава была составлена переводчиком (как он сам об этом рассказывает). Он сократил книгу Ващенко-Захарченко, (состоящую из 10-ти глав), который предпринял попытку дать продолжение и завершение *Мертвых Душ*.

Эрнест Шарьер просит читателей не спутывать эту последнюю главу с подлинным текстом романа, подчеркивая, что он выбрал из книги Ващенко-Захарченко только те моменты и отрывки, которые казались ему наиболее соответствующими замыслу и стилю Гоголя.

Румынский переводчик подошел некритически к французскому тексту; кроме того он полностью пропустил главы из второго тома и удовлетворился переводом только XX-ой главы (т.е. краткого содержания Ващенко-Захарченко, составленного Эрнестом Шарьером), даже не сообщив читателю о её происхождении. Таким образом у читателя создавалось впечатление, что XII глава перевода, «Ничтожество и величие Чичикова», принадлежит перу самого Гоголя, а о существовании второго незаконченного тома, он и вообще ничего не узнавал. Конечно, такой перевод во многом искажал представление читателя о гоголевском романе.

★

Отмечая в основном с удовлетворением широкое распространение произведений Гоголя в Румынии до 1917 г., необходимо ещё раз подчеркнуть, что качество переводов оставляет желать лучшего. За исключением переводов Дунэряну, Дусчиана, остальные в лучшем случае, слабые копии с оригинала. Если они могли ознакомить читателя с содержанием произведений Гоголя (и то, мы видим, с какими неточностями), то в очень малой степени могли передать художественную их сторону.

В то время, как вопрос количественного, численного распространения можно считать в большей степени разрешенным в период до 1917 года, вопрос о подлинном, художественно ярком звучании Гоголя на румынском языке остался открытым. Он не был разрешён и в следующие десятилетия вплоть до 1944 г. Лишь в годы народной власти, когда вообще русская литература стала широко распространяться в Румынии и сыграла активную роль в культурной революции, начали появляться подлинно научные и художественные переводы русских классиков. Под пером писателей Тудор Аргези, Эусебиу Камилар, Ал. О. Теодоряну, Лучия Манту, Гоголь впервые получил на румынском языке свое настоящее художественное выражение и впервые читатели смогли по-настоящему оценить его могучий и неповторимый талант.